ПРОРОКЪ

Е. КУРЛОВЪ

ПРОРОКЪ

ПРОРОКЪ

Слово побѣдное, радостное.

Евгеній Курловъ.

МОСКВА—1909

ПЕРВЫЙ ПОЛЕТЪ

I

И со всѣмъ этимъ я долженъ разстаться, говорю я, глядя на поля, на лѣсъ—на всю роскошь окружающей меня деревенской природы. Выдержу ли разлуку?

Сердце отвѣчаетъ: да, выдержишь.

Увижу ли опять милый родной край?

Что отвѣчаетъ сердце?—Сердце! Скорѣе!

Но сердце молчитъ. Только гулко звучатъ въ груди его неровные, порывистые удары. И я ничего не знаю. Передо мною черныя пятна, передо мной полная неизвѣстность.

Я обращаюсь къ себѣ:—ты, суровый и убѣжденный человѣкъ, который никогда ничѣмъ не увлекался, ни къ чему подолгу не привязывался. Ты, поставившій себѣ цѣлью жизни общее благо своихъ братьевъ—людей; ради нея отказавшійся отъ всѣхъ низменныхъ человѣческихъ стремленій—наживы, роскоши, власти. Ты ли это? Тебя ли узнаю я въ слабомъ ребенкѣ, плачущемъ жалобными слезами, когда его отрываютъ отъ матери?

И съ болью въ душѣ отвѣчаю я себѣ:—да, это я. Любовь къ родному краю слишкомъ сильна во мнѣ. Передо мною блѣдныя тѣни, передо мною полная неизвѣстность.

Что встрѣтитъ меня въ далекомъ душномъ городѣ, гдѣ все мнѣ чуждо, все отвратительно?

Но высшая воля движетъ мною. Сильная, непреклонная—она ведетъ меня по незнакомому еще мнѣ пути любви и самоотверженія. И, кроткій, послушный, я иду...

Я иду ночью, темной и безлунной, по узкой и неровной тропинкѣ. Съ трудомъ ступаютъ мои усталыя ноги. Я натыкаюсь на камни, падаю на твердую землю, вязну въ болотѣ.

Но высшая воля, руководящая мною, спасаетъ меня отъ всѣхъ грозящихъ мнѣ опасностей, потому что цѣль ея—видѣть меня своимъ апостоломъ.

Лѣсъ вокругъ меня — дремучій, непроходимый. Справа и слѣва лѣсъ.

Злые лѣшіе перекликаются въ темнотѣ между собою.

Вѣдьмы хохочутъ притаившись за деревьями.

А я иду и иду...

Будетъ ли конецъ этому лѣсу?

2.

Ночь. Безпросвѣтная ночь!

Я не могу больше. Мнѣ тяжело. Я слабѣю.

Сонъ смежаетъ мои усталыя вѣки.

Сѣрый, высохшій мохъ, усѣянный колючими еловыми иглами, служитъ мнѣ ложемъ. Камень — подушкой.

Мнѣ снится далекая родина. Снится нашъ старый уютный домикъ, окруженный пирамидальными тополями, къ протяжному шуму которыхъ я прислушивался всегда съ такой любовью.

Мать снится мнѣ. Старая, глухая мать — жалкая и безпомощная, съ ласковымъ морщинистымъ лицомъ. Слышится ея горькій вопль—мучительный, раздирающій крикъ прощанія, когда, передъ моимъ уходомъ, она въ послѣдній разъ поцѣловала меня.

Какъ умоляла она меня не оставлять ее! Какими слезами обливалась несчастная женщина!

И я уже склонялся на ея просьбы. Я готовъ былъ остаться...

Но высшая воля неудержимо звала меня за собой. Она не знала жалости и пощады. Она окутала мое размягченное сердце ледяной корой. И, во имя фантастической міровой любви, я отвергъ реальную, хотя и личную любовь матери.

Я назвалъ ея любовь чувствомъ самки къ своему дѣтенышу, а ея безсильный страхъ — больной и сла-

бой старухи, брошенной на произволъ судьбы роднымъ сыномъ,—эгоизмомъ.

И она не прокляла меня. Она со слезами поцѣловала и благословила меня священнымъ знаменемъ, въ которое искренно вѣрила...

3.

Во снѣ передо мною вставала дѣйствительность.

Изъ далекаго тумана все яснѣе и яснѣе выступалъ чарующій образъ любимой дѣвушки. Темныя кудри падали на ея круглыя дѣвственныя плечи. Милое лицо сіяло красотой и любовью.

Она любила меня.

Чудная, дорогая, безконечно прекрасная — она любила меня всею силой первой молодой любви, до обожанія, до самозабвенія.

Какія ночи проводили мы съ ней, въ нашемъ маленькомъ саду, подъ развѣсистой, обмазанной известью, яблоней, свѣтившейся своей бѣлизной въ черномъ сумракѣ южной ночи!

Елена... Лена... Какими ласками ты меня осыпала! Какими жгучими поцѣлуями! Какъ были хороши твои страстные, подернутые блестящей дымкой глаза! Какъ чудно пахло твое свѣжее молодое тѣло!

Я видѣлъ счастіе.

Но, въ самую свѣтлую минуту наслажденія, это

счастіе показалось мнѣ постыднымъ, не достойнымъ избранника.

Мы не имѣли права наслаждаться любовью, когда подъ гнетомъ человѣческой ненависти, кругомъ насъ, въ каждомъ поселкѣ, въ каждомъ городѣ задыхались и гибли тысячи намъ подобныхъ...

Я звалъ ее съ собой на путь отреченія и братской любви, но она не понимала меня. Сначала она думала, что я шучу, а потомъ, когда убѣдилась, что моя рѣчь была искренна и дѣло шло рука объ руку со словомъ, она залилась горькими, неутѣшными слезами.

Она плакала надъ своимъ обманутымъ чувствомъ, надъ погибшей невинностью, надъ дѣвичьимъ позоромъ, которому предавала особенно большое значеніе. Она плакала надъ моимъ безуміемъ!..

И во снѣ, точно тогда, на яву, звучали въ ушахъ моихъ ея отчаянныя рыданія; я слышалъ безцѣльныя мольбы, видѣлъ передъ собою скорбное, заплаканное и все же прекрасное лицо дѣвушки.

И, какъ тогда, боль, глухая, страшная боль, сжала мое сердце. Холодный потъ выступилъ у меня на вискахъ и... я проснулся.

4.

Вечернее солнце ласково глядѣло на меня сквозь густую стѣну дремучаго лѣса.

Милое, золотое солнце! Какъ давно не видалъ я

твоихъ мягкихъ, привѣтливыхъ лучей! Весь свой трудный путь я совершилъ въ темнотѣ.

И я набожно поклонился золотому солнцу.

Легче и веселѣе мнѣ стало итти дальше.

Вокругъ меня цвѣла весна—тихая, томная, ароматная. Ароматная, не смотря на то, что еще ни одинъ цвѣтокъ не украсилъ едва зеленѣющую молодую травку.

Весна только что началась. Ароматомъ прѣлой земли, ароматомъ свѣжихъ сосновыхъ почекъ былъ наполненъ воздухъ.

Птицы замолчали. Только кукушка бодрымъ и веселымъ голосомъ повторяла еще свое безконечное ку-ку, да дятелъ неутомимо стучалъ носомъ въ твердое дерево, и стукъ этотъ гулкимъ эхомъ разносился по лѣсу.

Дорогіе, безцѣнные звуки! Вы напомнили мнѣ далекую родину, гдѣ теперь тоже весна, теплая и благоухающая, тѣ же птицы, та же красота.

Родина! Родина!

Но мнѣ надо итти. И я иду — неутомимый пилигримъ своего бога. Лѣсъ началъ рѣдѣть. Между деревьями мелькнуло зеленое поле. Молодыя озими пшеницы уже приняли свой отличительный яркій оттѣнокъ, и зелень ихъ казалась особенно чистой и свѣжей.

Я съ радостью вышелъ изъ лѣса. Въ полѣ дышалось свободнѣе. Широкій просторъ манилъ своей безграничностью.

И я шелъ и шелъ.

Солнце закатывалось. Изъ туманной дали стали выступать неопредѣленные контуры высокихъ домовъ, храмовъ и башенъ.

Это былъ городъ.

5.

Я пришелъ въ городъ ночью.

Въ городѣ царило необычайное оживленіе. Мужчины и женщины, одѣтые по-праздничному, веселыми толпами двигались по улицамъ. Нарядные экипажи громко щелкали резинами объ гладкое дерево мостовой. Обыкновенные возницы дребезжали своими тяжелыми повозками. И елкъ этотъ, и дребезжаніе, и веселый говоръ людей сливались въ одну приподнятую торжественную ноту.

И какъ бы въ отвѣтъ на нее – такой же громкій, такой же торжественный, грозный и протяжный, со всѣхъ концовъ города раздался колокольный звонъ.

Всѣ колокола зазвучали сразу и залили воздухъ своимъ медлительнымъ, музыкальнымъ гуломъ. Точно вопль милліоновъ человѣческихъ душъ вылился въ этотъ гулъ...

Вѣрный старому дѣдовскому завѣту, народъ праздновалъ воскресеніе своего бога.

Много лѣтъ тому назадъ, этотъ богъ, въ образѣ простого смертнаго человѣка, явился на землю. Явился съ тѣмъ, чтобы открыть людямъ истину, научить ихъ любви и самоотреченію.

Но его проповѣдь не понравилась ученымъ фарисеямъ, видѣвшимъ истину только въ мертвой буквѣ своего мертваго закона. Они обвинили его въ богохульствѣ, судили и распяли его на крестѣ.

И такъ какъ въ минуту безумнаго убійства онъ не пожелалъ сойти съ этого креста и показать имъ все ихъ ничтожество, такъ какъ титанъ не пожелалъ унизиться доказательствомъ своей силы передъ жалкой толпой пигмеевъ—толпа восторжествовала.

Но недолго продолжалось убогое торжество.

Убитый богъ черезъ три дня воскресъ, чтобы воскресить истину, и истина эта въ видѣ великаго и прекраснаго ученія обошла весь міръ.

Проходили вѣка, смѣнялись народы, а она осталась—святая, неприкосновенная.

Люди воздвигали своему богу великолѣпные храмы. Лучшіе мастера безсмертной кистью запечатлѣли его дорогой образъ на полотнѣ... Люди чтили его, ему молились.

И теперь, въ годовщину великаго воскресенья, народъ толпами спѣшилъ въ храмъ

Въ городѣ было много храмовъ разнообразной архитектуры, большихъ и маленькихъ, богатыхъ и бѣдныхъ.

На возвышенномъ мѣстѣ, на широкой площади, у берега рѣки возвышалась гранитная масса каѳедральнаго собора. Ее вѣнчали пять золотыхъ куполовъ, съ такими же золотыми, ярко блестящими крестами. Тяжелыя желѣзныя ворота храма были широко открыты. Густая толпа молящихся наполняла его.

Мнѣ съ трудомъ удалось пройти впередъ, гдѣ передъ большимъ мраморнымъ распятіемъ, священнымъ символомъ любви и воли, горѣли тысячи огней.

Огни были въ рукахъ у молящихся, огни были въ бронзовыхъ люстрахъ и канделябрахъ, огни заливали своимъ мягкимъ сіяніемъ все внутреннее зданіе храма.

Какъ много здѣсь свѣта!—подумалъ я.

И, въ первый разъ послѣ моего долгаго тяжелаго странствованія, на сердцѣ у меня стало весело и легко.

Чувство духовнаго удовлетворенія овладѣло мною, чувство умиленія передъ чѣмъ то большимъ и прекраснымъ, что совершенно непостижимой силой соединяло всѣхъ этихъ стоявшихъ здѣсь, чуждыхъ другъ другу людей въ одинъ могучій духовный организмъ.

И я понялъ, что не напрасно совершилъ свой путь, что всѣ трудности его были ничѣмъ передъ той высокой радостью, которую я теперь испытывалъ.

А огни горѣли, сіяли ровнымъ, незыблемымъ свѣтомъ, яркіе и чистые, какъ сама истина, которую они олицетворяли.

Игралъ органъ. И съ его тихой и мелодичной музыкой сливался шумный мотивъ праздничнаго гимна, начатый пѣвцами и дружно подхваченный всѣми находящимися въ храмѣ.

Люди пѣли своему богу, и я присоединился къ ихъ пѣснѣ и запѣлъ вмѣстѣ съ ними, запѣлъ ихъ богу, потому что онъ былъ и моимъ богомъ—богомъ любви и свѣта, правды и милосердія.

6.

Но не долго я могъ оставаться въ храмѣ. Высшая сила звала меня дальше. Я долженъ былъ начать свой подвигъ.

Въ эту праздничную ночь я открылъ сто сорокъ городскихъ тюремъ и освободилъ нѣсколько десятковъ тысячъ заточенныхъ.

Я открывалъ тюрьмы безъ ключей. Тяжелые дверные засовы повиновались моему слову.

По моему слову неслышно распадались цѣпи, сковывавшія преступниковъ. Загипнотизированная стража безмолствовала. Несчастные узники вновь получали свою утраченную свободу. Между ними были отчаявшіеся. Я пролилъ въ ихъ сердца лучъ свѣта и безмятежной радости. Ожесточенныхъ я смягчилъ кроткимъ словомъ божественнаго ученія. Грѣшныхъ я убѣдилъ раскаяться.

Опозоренные, запятнанные незнающимъ жалости обществомъ люди вышли изъ тюрьмы чистыми и добрыми гражданами, способными къ высокимъ и честнымъ поступкамъ.

Я пошелъ въ больницу.

Тамъ ожидали моего прихода. Слухъ о моемъ посѣщеніи тюремъ дошелъ до больныхъ. Они съ надеждой устремили на меня умоляющіе взгляды, полные страстной вѣры. Они допускали возможность чуда.

И чудо совершилось.

Оно не могло не совершиться, потому что вѣра этихъ людей была слишкомъ сильна, страданія слишкомъ продолжительны и невыносимы. Нервный подъемъ достигъ своего апогея. Слѣпые видѣли, хромые ходили, паралитики вставали со своихъ постелей и шли на улицу, умалишеннымъ возвращался разсудокъ.

7.

На слѣдующее утро небольшой домикъ, гдѣ я остановился въ квартирѣ одного бѣднаго мастерового, окружила цѣлая толпа народу.

Меня просили выйти на улицу, и, когда я вышелъ, повели на городскую площадь.

— Тамъ собрались всѣ граждане нашего города,— объявили мнѣ,—тебя хотятъ видѣть, хотятъ говорить съ тобой! Всѣхъ поразили дѣла сегодняшней ночи, всѣ жаждутъ узнать, кто ты, какъ твое имя, откуда ты пришелъ.

Я ничего не отвѣтилъ.

Городская площадь кишѣла народомъ. Люди разныхъ возрастовъ, отъ древнихъ старцевъ до маленькихъ дѣтей, мужчины и женщины, богатые и нищіе, интеллигенты и рабочіе всѣ стояли здѣсь въ ожиданіи меня.

Какъ только я показался на улицѣ, прилегающей къ площади, нѣкоторые изъ толпы съ радостными криками кинулись мнѣ навстрѣчу.

Это были тѣ, которыхъ я освободилъ отъ неволи

и болѣзней. Они съ восторгомъ глядѣли на меня — счастливые и благодарные.

Меня провели на середину городской площади, на большое возвышенное мѣсто, чтобы всѣ собравшіеся могли меня видѣть.

Не безъ волненія взошелъ я на эту трибуну.

Тысячи любопытныхъ глазъ были устремлены на меня. У каждаго, казалось, былъ готовъ сорваться съ языка вопросъ: кто ты?

Но я не ждалъ, пока зададутъ мнѣ этотъ вопросъ. Мой подвигъ не былъ оконченъ. Я видѣлъ — въ городѣ было много богатыхъ, но за то еще больше нищихъ, нуждающихся въ кускѣ хлѣба. Мнѣ предстояло уничтожить эту несправедливость, сравнять всѣхъ гражданъ въ матеріальномъ отношеніи. И я обратился къ нимъ съ рѣчью.

Я убѣждалъ богатыхъ, что стыдно ѣсть роскошныя блюда и облекать свое тѣло въ дорогія ткани, когда кругомъ есть такіе-же, какъ они, люди, которые не имѣютъ не только роскошныхъ блюдъ, но часто голодаютъ цѣлыми днями, а вмѣсто богатыхъ одеждъ ходятъ въ лохмотьяхъ.

Я сказалъ имъ, что всѣ люди равны, одинаково рождаются, живутъ и умираютъ и имѣютъ право одинаково пользоваться благами природы и жизни, и что только грубость нравовъ, эгоизмъ и очерствѣлость сердца человѣческаго являются причиной вѣковой несправедливости — различія кастъ и имущественной обезпеченности. Благодаря этимъ же недостаткамъ, разви-

лось между людьми и другое различіе—неравенство образованія, и одни люди, вкусившіе плодовъ знанія, —считаютъ себя высшими существами и въ другихъ, не имѣвшихъ денежныхъ средствъ, чтобы купить себѣ эти знанія, видятъ паріевъ, вьючныхъ животныхъ, необходимыхъ лишь для служенія избраннымъ. Между тѣмъ, всѣ люди чувствуютъ, страдаютъ и радуются одинаково, независимо отъ того, сколько иностранныхъ языковъ они знаютъ и могутъ ли рѣшать алгебраическія задачи.

Я говорилъ долго и должно быть достаточно убѣдительно, такъ какъ, вскорѣ по окончаніи своей рѣчи, я замѣтилъ, что городская площадь начала пустѣть и именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ помѣщалась привилегированная публика.

Богатые и знатные уходили съ задумчивыми и полными какой то торжественной таинственности лицами.

— Они пошли за своими сокровищами, чтобы принести ихъ сюда и раздать намъ,—сказалъ кто то изъ толпы бѣдняковъ.

— Какъ же, дожидайся!—дружно отвѣчали нѣсколько десятковъ голосовъ.

Такое предположеніе казалось большинству совершенно невѣроятнымъ.

И дѣйствительно, общее изумленіе было огромно, когда, спустя нѣсколько часовъ, купецъ Дарій, одинъ изъ самыхъ крупныхъ богачей, старѣйшина города, появился на площади.

За нимъ слѣдовало болѣе сотни возовъ, запряженныхъ большими, сильными лошадьми и нагруженныхъ огромными сундуками.

Дарій велѣлъ своимъ слугамъ со всѣмъ обозомъ подъѣхать ко мнѣ и свалить поклажу на площади. Потомъ онъ досталъ изъ кармана ключъ и, по очереди, сталъ отпирать сундуки.

Они были наполнены всевозможными драгоцѣнностями—деньгами, предметами роскоши, золотомъ, парчей и рѣдкими мѣхами.

— Это—большая часть моего богатства,—сказалъ онъ мнѣ громко, когда все было открыто,—возьми и отдай, кому хочешь; остальное лежитъ въ домахъ и земляхъ, но я уже распорядился, чтобы съ обитателей домовъ не брали арендной платы, а все зерно изъ моихъ хлѣбныхъ амбаровъ будетъ роздано нуждающимся, въ числѣ которыхъ буду и я съ женой и дѣтьми. Теперь я могу доживать свой вѣкъ съ спокойной совѣстью и свѣтлымъ сознаніемъ, что не живу болѣе чужимъ трудомъ.

Толпа была поражена. Слышались возгласы удивленія, слезы радости, рукоплесканія...

Говорили, что если примѣру Дарія послѣдуютъ остальные богатые жители города — въ городѣ не будетъ больше нужды, а слѣдовательно ни воровства, ни убійствъ, ни голодныхъ смертей, ни другихъ ужасныхъ послѣдствій безденежья. Одни люди не будутъ унижаться передъ другими ради куска насущнаго хлѣба; навсегда прекратится торговля

совѣстью, сердцемъ и тѣломъ. Миръ и радость вернутся землѣ...

И остальные богачи пришли вслѣдъ за Даріемъ, такъ же, какъ и онъ, сопровождаемые драгоцѣнными обозами. Люди средняго достатка везли свои сокровища въ тачкахъ, при помощи слугъ; бѣднѣйшіе сами несли ихъ на рукахъ.

Каждый самый скромный рабочій, зараженный общимъ подъемомъ, приносилъ свои заработанные гроши въ общую казну.

Сокровища доставлялись обыкновенно днемъ и складывали ихъ прямо на мостовую, на площади. И когда, ночью, граждане расходились на отдыхъ по своимъ домамъ, никому даже мысль не приходила въ голову о необходимости поставить на площади сторожей. Слово «кража» казалось совершенно несуществующимъ и, сказанное вслухъ, возбудило бы только общее изумленіе и негодованіе.

Настроеніе толпы достигло высшаго подъема. Люди впервые почувствовали свое равенство, сознали, что прежняя жизнь ихъ была полна противорѣчій и несправедливостей по отношенію другъ къ другу и спѣшили обѣлиться, исправиться.

Дѣла, которыя вчера еще такъ сильно интересовали ихъ, — дѣла тщеславія, насилія, наживы, сразу потеряли для нихъ всякій смыслъ, уступили мѣсто одному главному дѣлу, дѣлу братской любви.

И такъ какъ я являлся единственнымъ виновникомъ ихъ свѣтлаго душевнаго настроенія, они смотрѣли на

меня съ чувствомъ неизмѣримой благодарности. Одни пожимали мнѣ руку, другіе громкими возгласами выражали мнѣ свою радость, а нѣкоторые только издали съ благоговѣніемъ глядѣли на меня, желая видѣть во мнѣ предметъ религіознаго почитанія.

Въ эту минуту во всемъ городѣ не было ни одного человѣка, который ни благословлялъ бы меня.

ИСКУШЕНІЕ.

Я проснулся рано утромъ отъ громкаго стука въ свою дверь.

Я отворилъ.

Въ комнату вошли три хорошо знакомыхъ мнѣ человѣка, два старика и одинъ еще молодой. Всѣ они занимали очень видныя мѣста въ городѣ, пользовались большимъ уваженіемъ народа и явились ко мнѣ въ качествѣ депутатовъ отъ гражданъ.

Старикъ Александръ -- небольшого роста, съ длинной сѣдой бородой, извѣстный своимъ умомъ и краснорѣчіемъ, обратился ко мнѣ съ такими словами:

— Привѣтъ тебѣ отъ города, богомъ данный намъ братъ. Посланные нашими согражданами, мы пришли сюда съ чистымъ сердцемъ и добрыми намѣреніями, объявить тебѣ волю народа.

Благодѣянія, оказанныя тобою нашему городу, неисчислимы. Въ одну ночь ты сдѣлалъ насъ всѣхъ довольными и счастливыми, однимъ властнымъ словомъ освободилъ отъ вѣковыхъ заблужденій, духов-

ныхъ и физическихъ недуговъ, которыми мы болѣли. Казавшееся прежде немыслимымъ сдѣлалось легко возможнымъ. Нищеты и голода, такъ усиленно, хотя и безуспѣшно, изгоняемыхъ нами изъ нашего города, для борьбы съ которыми организовались десятки благотворительныхъ обществъ и которые все-таки возрастали съ каждымъ годомъ — не стало. Люди сразу поняли, что тамъ, гдѣ нужно пожертвовать цѣлымъ состояніемъ, не могутъ помочь ничтожныя крохи, отдѣляемыя отъ этого состоянія. Прежде была сыта только нѣкоторая часть нашихъ гражданъ, теперь — сыты всѣ.

Слава о тебѣ проникаетъ и въ другіе сосѣдніе города. На тебя приходятъ смотрѣть съ любопытствомъ и страхомъ. Многіе изъ пришельцевъ дивятся тебѣ и преклоняются предъ твоими дѣлами, но многіе уносятъ съ собой въ сердцѣ зависть, затаенную насмѣшку и злобу. И, кто знаетъ, хитрые враги могутъ воспользоваться нашимъ приподнятымъ настроеніемъ и настигнутъ насъ врасплохъ.

Наши сокровища лежатъ открытыя на городской площади. Никто не считаетъ нужнымъ сторожить ихъ.

Соблазнъ великъ...

Положимъ, народъ находится подъ живымъ впечатлѣніемъ твоихъ сильныхъ рѣчей. Но увѣренъ ли ты, что это впечатлѣніе не ослабѣетъ? Увѣренъ ли ты, что тебѣ удастся постоянно поддерживать въ людяхъ тотъ яркій огонь любви и правды, который тебѣ удалось въ нихъ зажечь? Увлеченіе можетъ

остынуть. То, чему они теперь поклоняются, станетъ предметомъ порицанія и смѣха. Богатые пожалѣютъ объ отданныхъ сокровищахъ и потребуютъ ихъ возврата, на что не согласятся бѣдные.

Произойдутъ волненія.

А страдная пора близка. Кто станетъ обрабатывать землю?

Каждый гражданинъ по равному куску?

Но развѣ люди, привыкшіе къ комфорту и бездѣлью, въ состояніи будутъ выдержать тяжесть рабочаго дня? Развѣ изнѣженныя госпожи простоятъ въ полѣ цѣлый день — въ жару, съ серпомъ въ рукахъ, не разгибая спины?

Пока они увлечены твоей проповѣдью, имъ кажется все возможнымъ, а потомъ?.. Потомъ могутъ возникнуть недовольства, смуты и разныя другія бѣдствія, которыя, несдерживаемыя властью, примутъ огромные размѣры.

Только одна возможность есть, сохранивъ теперешнее положеніе вещей, предотвратить грозящую бѣду. Ты долженъ принять въ руки верховную власть надъ городомъ! Мы пришли — посланные всего нашего народа — просить тебя быть нашимъ правителемъ...

Такое предложеніе явилось для меня полнѣйшей неожиданностью.

Мнѣ стало больно и грустно. Я увидѣлъ, что народъ меня совсѣмъ не понималъ; иначе онъ никогда не сдѣлалъ бы мнѣ подобнаго предложенія.

Всякая мысль о власти звучала рѣзкимъ диссонан-

сомъ въ моемъ ученіи равенства и братской любви. Власть, а слѣдовательно насиліе надъ личной волей, деспотизмъ, тиранія — эти понятія казались мнѣ чѣмъ то дикимъ и страшнымъ. Чудовища, заставившія меня бросить родину, мать, невѣсту и прійти къ чужому народу съ проповѣдью любви! Я думалъ, что никогда болѣе не услышу ни слова о васъ!

И вдругъ, народъ, который я поднялъ отъ спячки, шевельнувъ въ немъ лучшія струны души, который, силою убѣжденія, я заставилъ прійти къ алтарю добра и справедливости, усомнился въ силѣ своего новаго бога и предлагаетъ мнѣ же, его послушному апостолу, стать у кормила вѣковой несправедливости — власти!

Что могъ я отвѣтить посланнымъ?

Этотъ умный Александръ съ морщинистымъ лицомъ и глазами, которые, казалось, видѣли человѣка насквозь, глазами, полными недовѣрія и житейскаго опыта — вотъ она язва общества, ложное понятіе о жизни, усвоенное по старымъ шаблонамъ, вотъ оно сомнѣніе и неувѣренность въ мощи человѣческаго духа.

И я долго молчалъ.

А когда я высказалъ посланнымъ свои мысли, составлявшія полную противоположность ихъ мыслямъ, они, неодобрительно покачавши головами, еще разъ спросили меня:

— Значитъ, ты отказываешься исполнить просьбу народа?

И, получивши мой утвердительный отвѣтъ, они по-

просили меня пойти съ ними на площадь и лично передать свой отказъ народу.

9.

Я снова на городской площади.

Толпа съ тревогой ожидаетъ моего появленія. На серединѣ площади воздвигнута трибуна. Тамъ старѣйшины города одѣнутъ меня въ мантію и вручатъ мнѣ царственный жезлъ...

Одно мое слово — и я, нищій пришелецъ, дѣлаюсь правителемъ богатой страны!

Но высшая воля, приведшая меня сюда и руководившая всѣми моими поступками, не допустила меня поколебаться. Мысль моя оставалась холодной и равнодушной къ соблазну.

И, обратившись къ народу, въ краткой и доступной рѣчи, я сказалъ ему, что не хочу исполнить его требованія, что требованіе это противорѣчитъ всѣмъ тѣмъ убѣжденіямъ, которыя я старался привить ему, противорѣчитъ тому высшему началу добра и правды, благодаря которому и я, и они сами, собравшіеся здѣсь граждане, стали иначе смотрѣть на жизнь, освободившись отъ своихъ прежнихъ понятій, несправедливыхъ и эгоистичныхъ.

Я сказалъ имъ, что власть сама по себѣ — понятіе безчеловѣчное, злое и нелѣпое и что тамъ, гдѣ есть самоуваженіе, любовь и равенство — тамъ не можетъ быть власти.

— Въ такомъ случаѣ, - возразилъ народъ, — будь нашимъ верховнымъ судьей. Разбирай наши распри, предписывай намъ законы.

— Но распрей не должно быть между вами! — воскликнулъ я, — разъ вы будете уважать и любить другъ друга. Не нужны вамъ и законы, не нуженъ и судъ.

Да и какое право имѣю я, самъ далеко не безгрѣшный, обыкновенный человѣкъ, слѣпое орудіе въ рукахъ своего божества, какое право имѣю я судить подобныхъ мнѣ людей, иногда, можетъ быть, несравненно выше меня стоящихъ въ нравственномъ отношеніи?

Граждане молчали.

И когда, подождавъ немного, я тихо пошелъ по направленію къ своему дому, я замѣтилъ на лицахъ ихъ какое-то грустное недоумѣніе.

10.

Вечера я проводилъ то въ томъ, то въ другомъ домѣ.

И еще съ утра народъ узнавалъ, гдѣ именно я буду, и собирался туда, и тамъ я бесѣдовалъ съ нимъ о высшей любви и самоотреченіи.

Меня слушали съ восторгомъ.

Но за послѣднее время, послѣ бесѣды моей съ гражданами на площади, я замѣтилъ, что ряды собиравшихся меня слушать значительно порѣдѣли.

И хотя слушали меня внимательно, но, какъ мнѣ казалось, лица приходящихъ были менѣе одушевлены. Они какъ-то слишкомъ пытливо вглядывались въ меня и, можетъ быть, это былъ лишь плодъ моего воображенія, въ нѣкоторыхъ взглядахъ я замѣтилъ какъ бы легкую улыбку сомнѣнія, недовѣрія ко мнѣ, къ моимъ словамъ.

11.

Вечеромъ, возвращаясь къ себѣ, я замѣтилъ, что какой-то человѣкъ шелъ за мной... Онъ догналъ меня около самыхъ воротъ дома, гдѣ я помѣщался, и назвалъ меня по имени.

— Что тебѣ нужно? — спросилъ я и обернулся.

Возлѣ меня стоялъ Виталій.

Виталій - мой школьный товарищъ, другъ моихъ юныхъ дней, Виталій, съ которымъ связано у меня столько дорогихъ воспоминаній!.. Который пришелъ изъ моего родного, далекаго, но вѣчно любимаго края.

Я съ радостью обнялъ его и сталъ цѣловать, и только, когда первый жгучій порывъ восторга прошелъ, пригласилъ его зайти въ мое скромное жилище.

12.

— Въ нашу сторону дошли слухи, — заговорилъ Виталій, садясь въ моей комнатѣ, — что небывалое счастье постигло тебя. Силой своего замѣчательнаго

краснорѣчія, которымъ, вспомни, я и раньше всегда восхищался, тебѣ удалось овладѣть душой цѣлаго народа. Не сегодня, завтра — въ ту минуту, когда ты найдешь это удобнымъ — ты станешь правителемъ богатѣйшей страны...

— Это никогда не будетъ, Виталій,— перебилъ я его.— Разскажи мнѣ лучше, какъ поживаетъ моя мать? Елена?

— Но именно мать твоя и послала меня сюда. Твой отъѣздъ чуть не убилъ бѣдной старухи. Она плакала день и ночь. Она, какъ тѣнь, бродила по нашему посаду, блѣдная, изможденная... И только за послѣднее время, когда мы узнали чудныя вѣсти о твоемъ неожиданномъ успѣхѣ, твоя старая мать вздохнула легче. Вмѣсто слезъ — улыбка заиграла на ея лицѣ, и она только и думаетъ о томъ, чтобы увидѣть сына въ порфирѣ.

Но я не далъ ему договорить.

Конечно, мать—старуха. Уровень развитія ея невысокъ, она не понимаетъ меня. А вотъ Елена?

— Что говорила Елена? — закричалъ я нетерпѣливо.— Неужели и она?

— За нее сватался Филиппъ. Знаешь, купецъ изъ сосѣдняго города? Богатый человѣкъ. Но она не дала ему рѣшительнаго отвѣта до моего возвращенія отсюда. Она хочетъ знать о тебѣ всю правду. Она мечтаетъ раздѣлить съ тобой почести и славу великаго народнаго правителя.

Я чувствовалъ, какъ отъ его словъ холодный потъ

выступалъ на моихъ вискахъ, а ноги подкашивались. Я быстро сѣлъ на постель и, закрывъ лицо обѣими руками, заплакалъ.

— Неужели и Елена,— повторялъ я,— и Елена!..

Впрочемъ, что же особеннаго – Елена? Началъ я размышлять. Отъ нея ничего другого и нельзя было ожидать. Она—ординарная дѣвушка, дѣвушка толпы. Власть, блескъ, богатство составляютъ для нея весь смыслъ жизни. Я давно зналъ, что мы не созданы другъ для друга. Какъ и мать, она не понимаетъ меня.

— И какъ хорошо, что я не остался на родинѣ! — заключилъ я уже вслухъ свои размышленія.

13.

Виталій молчалъ.

Онъ сидѣлъ какой-то мрачный и странный. Практикъ до глубины души, и онъ, видимо, не одобрялъ образа моихъ мыслей.

— По моему, это вздоръ,—заговорилъ онъ,— твои подвижническія мечтанія. Они имѣли смыслъ, пока цѣль не была достигнута, а теперь... Ты будешь потомъ жалѣть, что не воспользовался счастливымъ случаемъ, не сумѣлъ взять счастья за хвостъ. Быть царемъ или быть нищимъ? Въ моихъ глазахъ между тѣмъ и другимъ огромная разница. Но я знаю, что ты упрямъ, и никакіе разумные доводы не убѣдятъ тебя. Хочешь ломать себѣ голову -- ломай, но прежде,

чѣмъ заняться этимъ опаснымъ дѣломъ, ты долженъ подумать о своей матери. Какое право ты имѣешь оставлять безъ куска хлѣба женщину, которой ты обязанъ своей жизнью и воспитаніемъ, и, можетъ быть, этимъ самымъ своимъ великимъ даромъ побѣждать человѣческія сердца? На тебя твоя мать издержала всѣ свои послѣдніе гроши и теперь, послѣ того, какъ ты бросилъ ее, она побирается. Она по вечерамъ, когда стемнѣетъ, ходитъ по домамъ и проситъ на пропитаніе. Днемъ ей стыдно итти на улицу; ей стыдно за сына, за взрослаго сына, котораго она выростила и который оставилъ ее на произволъ судьбы!

Слова Виталія звучали искренно. По своему онъ былъ правъ. Конечно, я могъ бы ему возразить, что, для спасенія тысячи людей, я долженъ былъ пожертвовать однимъ. Но этимъ однимъ была моя мать, и по законамъ природы и по законамъ общества на мнѣ лежала обязанность ее поддерживать.

Къ тому же мнѣ было жаль старуху, которую я горячо любилъ и сильно огорчалъ. И я молча выслушалъ обвиненіе друга.

А Виталій продолжалъ:

— Пропадай самъ, если хочешь. Отказывайся, какъ безумный, отъ власти и богатства, которыя такіе же безумные тебѣ навязываютъ, но обезпечь мать.

Въ твоихъ рукахъ кучи золота. Двухъ, трехъ горстей червонцевъ было бы достаточно для того, чтобы старуха могла дожить безбѣдно свой вѣкъ.

Сейчасъ ночь. Насъ никто не увидитъ... Пойдемъ на площадь. Ты насыпешь мнѣ мѣшочекъ золота, и я вернусь домой успокоить твою мать, спасти ее навсегда отъ нищеты.

— Виталій!—закричалъ я, пораженный.—Виталій! Да неужели ты настолько мало уважаешь меня, что рѣшаешься дѣлать мнѣ такое предложеніе? Вѣдь это золото... оно... оно все чужое!

— Я не хочу всего,—возразилъ невозмутимо Виталій.—Я прошу нѣсколько крохъ, которыя для народа не составляютъ ничего, а для твоей матери, для твоего... Ну, изволь. Разъ уже на то пошло, я все скажу тебѣ. Я не хотѣлъ говорить. Я щадилъ твое молодое чувство. Но теперь... Все равно! Ты считаешь нечестнымъ пойти на площадь и взять изъ тѣхъ денегъ, которыя тебѣ же въ распоряженіе отдалъ народъ, горсть золота для твоей старой матери, а обольстить и бросить дѣвушку...

— Про какую дѣвушку ты говоришь, Виталій?—перебилъ я его, и сердце мое сжалось.

— Не разыгрывай невиннаго! Всѣ знали твои отношенія къ Еленѣ.

— Ну и что же?

— А то, что вскорѣ послѣ твоего бѣгства изъ нашего края, Елена открыла, что она беременна. Она недавно родила ребенка. Этотъ ребенокъ—твой сынъ.

— Пощады! Пощады!

Испытаніе было слишкомъ тяжело.

Со стономъ упалъ я на постель и повторялъ въ

отчаяніи, обращаясь къ своему богу: за что? За что такое страшное испытаніе?

А Виталій продолжалъ тѣмъ же ровнымъ, невозмутимымъ, обвиняющимъ голосомъ:

— А ты думалъ, что можно проводить ночи съ молодой и неопытной дѣвушкой и что это проходитъ даромъ? Нѣтъ, мой другъ. Природа справедлива. За наслажденіе она требуетъ платы.

— Я пришелъ къ тебѣ отъ имени Елены, отъ имени горемъ, нуждой и позоромъ убитой дѣвушки. Я пришелъ...

— Говори, говори, зачѣмъ ты пришелъ? Чего она хочетъ отъ меня? Что она говоритъ?

— Она не только прощаетъ тебя, но даже перестала обвинять тебя въ безуміи, послѣ того какъ услышала, что ты сталъ во главѣ многочисленнаго и богатаго народа. Она съ нетерпѣніемъ ожидаетъ моего возвращенія, чтобы въ случаѣ, если слухъ объ избраніи тебя правителемъ вѣренъ,—пріѣхать къ тебѣ.

— Ну, а если бы онъ оказался невѣренъ?—спросилъ я сдавленнымъ голосомъ.

Все, что говорилъ Виталій объ Еленѣ, точно ножомъ рѣзало мое сердце, и свѣтлый духовный образъ дѣвушки все ниже и ниже падалъ въ моихъ глазахъ.

— Ну, а если бы онъ оказался невѣренъ?—повторилъ я.

— Тогда Елена поручила мнѣ взять съ тебя сколько окажется возможнымъ денегъ и принести ей.

Съ деньгами она можетъ найти себѣ мужа, который своимъ именемъ прикрылъ бы ея позоръ.

— Ну, а если у меня нѣтъ денегъ?

— Тогда, сказала Елена, возьми его за горло и души, и мучь, пока не дастъ хоть чего-нибудь, хоть двадцати червонцевъ; иначе меня никто не возьметъ. И если у него нѣтъ денегъ, пусть заработаетъ. Не сумѣетъ руками - онъ красивый мужчина — пусть идетъ зарабатывать своимъ тѣломъ, пусть, наконецъ, украдетъ гдѣ-нибудь. Все равно...

— Ты лжешь!—воскликнулъ я, опять начиная волноваться.—Не можетъ быть, чтобы Елена... Вѣдь если это правда, что ты разсказываешь, такъ она... она...

Но я не выговорилъ оскорбительнаго слова, готоваго было сорваться съ моего языка—по отношенію къ когда то обожаемой дѣвушкѣ. За время моего пребыванія въ чужомъ краѣ я все - таки постоянно вспоминалъ милое, симпатичное личико Елены, ея любящіе глазки... наши постоянныя свиданія, нашу любовь.

Она всегда была, какъ мнѣ казалось, черезчуръ практична, мелочна, пожалуй. Кругозоръ ея былъ узокъ, какъ та среда, въ которой она росла. Но до такой степени низости и ожесточенія ее могли довести развѣ только тяжелое горе, разлука со мною, и главное, этотъ мнимый, выдуманный позоръ.

Позоръ—быть матерью своего ребенка! Отдать дань естественному закону природы!

КЪ ЛЮДЯМЪ.

Жалкое, нищее человѣчество, зачѣмъ ты такъ упорно стремишься вогнать свою свободную жизнь въ рамки?

Зачѣмъ создаешь ты себѣ на каждомъ шагу, въ каждомъ дѣлѣ искусственныя препятствія, которыя одни отравляютъ твое существованіе?

Больше свободы! Больше простора чувству! Живите чувствомъ!

Чувство никогда не обманываетъ. Только подъ вліяніемъ его—чистаго и непосредственнаго—вершимъ мы добрыя дѣла любви.

Злоба не есть непосредственное чувство. Злоба—продуктъ разума. У дикаго звѣря нѣтъ злобы. Онъ терзаетъ ягненка не изъ какой-либо личной вражды, а лишь для того, чтобы утолить свой голодъ.

Месть, вражда, обманъ явились необходимымъ послѣдствіемъ нелѣпо устроенной общественной жизни. Это орудіе борьбы свободнаго человѣка съ искусственно навязанными ему правилами жизни. Весенній порывъ ручья — пробиться сквозь сковывающій его ледъ. Ледъ проломанъ силой теплаго солнечнаго луча—и кристаллическая струйка весело понеслась по лугу...

Сломайте предразсудокъ, условность, обычай—и жизнь потечетъ легко и свободно, какъ весенній ручей!

Сами собой падутъ недобрыя побужденія человѣка.

15.

— И тебѣ не жаль Елены? — говорилъ Виталій, сидя у меня за столомъ и дѣля со мной мой скромный ужинъ.—Тебѣ не жаль дѣвушки, такъ беззавѣтно тебя любившей, подарившей тебѣ столько ласкъ, наслажденій?.. Тебѣ не хочется увидѣть ее? Услышать ея голосъ?

— Виталій! Виталій! Не мучь меня! —прервалъ я его со стономъ,—не напоминай!

— Нѣтъ, напротивъ. Я напомню тебѣ всѣ прошлыя радости, во всей полнотѣ разверну передъ тобой картину твоей любви къ Еленѣ.

— Какая цѣль?

— Цѣль—помочь несчастной, помочь во что бы то ни стало. Пусть для тебя, безумнаго человѣка, людской судъ, этотъ страшный судъ молвы, не значитъ ничего. Для нея — онъ смерть, хуже смерти!

Можетъ быть, воспоминанія разбудятъ твое дремлющее чувство къ Еленѣ, и ты протянешь ей руку.

— Пусть Елена придетъ ко мнѣ. Я приму ее съ удовольствіемъ. Я и тогда не хотѣлъ ее оставлять,—я предлагалъ ей идти со мной, раздѣлить трудности моей жизни... Она отказалась. Если она дѣйствительно любитъ меня — пусть придетъ сюда.

— Въ эту нору? -- спросилъ Виталій и обвелъ взглядомъ мой скромный уголокъ. — Развѣ любящій

женихъ можетъ ввести сюда свою невѣсту? Но главное, что и здѣсь тебѣ долго не придется пожить. Если ты въ скоромъ времени не примешь верховной власти—въ городѣ произойдетъ возмущеніе. Эти же самые старики-заправилы города, которые сейчасъ такъ усердно просятъ тебя стать во главѣ правленія, сдѣлаются твоими первыми врагами. Пока, они приписываютъ твой отказъ умышленному желанію поломаться передъ народомъ, чтобы этимъ сильнѣе упрочить свою власть надъ нимъ. Они видятъ въ тебѣ умнаго и ловкаго человѣка, сумѣвшаго увлечь народъ занятной игрушкой въ видѣ безумной и неисполнимой теоріи и въ это же время устраивающаго свое личное дѣло. Они разсчитываютъ, что огромныя суммы, принесенныя людьми на площадь подъ вліяніемъ твоихъ рѣчей — иначе они никогда не могли бы ихъ собрать—поступятъ въ собственность правительства, пойдутъ на украшеніе города, на возведеніе въ немъ роскошныхъ зданій, на устройство фабрикъ, на поднятіе спящей промышленности. Они ждутъ отъ тебя практической дѣятельности, а возвышенныя теоріи только для отвода глазъ. Вѣдь надо быть ребенкомъ, чтобы серьезно воображать, что можетъ существовать государство, все достояніе котораго валялось бы на улицѣ въ видѣ никѣмъ неохраняемыхъ грудъ золота и другихъ сокровищъ. Впрочемъ, со вчерашняго дня къ сокровищамъ приставлена стража.

— Стража?

— Да. Напрасно ты удивляешься. Оказалось, что

нашлись умники, которые возымѣли желаніе воспользоваться глупостью своихъ согражданъ.

— Виталій! Другими словами — ты говоришь, что тамъ была кража? Кража? Это неправда! Кто сказалъ тебѣ это? О я, несчастный человѣкъ! Что же значили мои рѣчи? Какой смыслъ имѣлъ мой подвигъ? Все даромъ! Все напрасно! Народъ, для котораго я сдѣлалъ такъ много, народъ, который недавно еще плакалъ надъ моими словами, который, казалось, такъ искренно воспринялъ мое ученіе — этотъ народъ отблагодарилъ меня кражей!

— Чего же ты могъ больше ожидать? — сказалъ Виталій.—Слушай, мечтатель, еще не поздно. Завтра, рано утромъ, старѣйшины города еще разъ придутъ просить тебя принять корону. Только властью можно сдерживать народныя страсти... Согласись на ихъ предложеніе! Ради самого себя, ради матери, Елены, ребенка, ради, наконецъ, меня—друга своего дѣтства— согласись! Я не успѣлъ тебѣ сказать, — продолжалъ онъ,— но мнѣ также нужна твоя матеріальная помощь. Ты знаешь, какъ я всегда былъ гордъ и какъ мнѣ трудно просить, но... нужда заставляетъ. У меня былъ небольшой капиталъ. Въ прошломъ году, вмѣстѣ съ однимъ сосѣдомъ, я открылъ въ нашемъ посадѣ маленькую фабрику. Мы разсчитывали увеличить наше состояніе, но вышло наоборотъ. Дѣла пошли плохо, топливо вздорожало, конкуренція давитъ. Чтобы спасти дѣло мнѣ нужны деньги.

— У меня ихъ нѣтъ, Виталій,— отвѣчалъ я.

— Опять тотъ же отвѣтъ. Но если ты согласишься принять скипетръ—вся народная казна будетъ въ твоемъ распоряженіи.

— Я не приму скипетра.

— Въ такомъ случаѣ... Слушай, еще разъ. Стражѣ, охраняющей городскую площадь, данъ приказъ отъ старѣйшинъ, чтобы, въ случаѣ твоего приближенія къ площади, она незамѣтно скрывалась. Они не хотятъ тебя огорчать. Выйдемъ на площадь. Ты передашь мнѣ мѣшокъ съ червонцами, и я уйду. Я вернусь домой богатымъ человѣкомъ. Я поправлю дѣла, уговорю Елену выйти за меня замужъ и, такимъ образомъ, спасу ея честь и тебя выведу изъ неудобнаго положенія. Я буду до смерти кормить твою мать. Однимъ мѣшкомъ золота ты сдѣлаешь счастливыми всѣхъ тѣхъ, кто съ дѣтства любитъ тебя и кого ты такъ безжалостно огорчаешь.

Рѣчь Виталія начинала меня сердить.

— Но вѣдь ты требуешь отъ меня, чтобы я сдѣлался воромъ! — возвысилъ я нетерпѣливо голосъ. — Пойми, что я не могу исполнить твоей просьбы.

И Виталій разсердился. Я замѣтилъ, какъ легкая судорога пробѣжала по его лицу.

— Ты не хочешь исполнить моей просьбы! - сказалъ онъ сдавленнымъ голосомъ.—Такъ будь же проклятъ. Именемъ твоей матери, именемъ твоей любовницы, именемъ твоего сына, твоей родины — другъ твоего дѣтства — я проклинаю тебя!

И онъ неровными шагами вышелъ изъ моей комнаты...

16.

Говорятъ, что этой же ночью къ пророку приходила женщина—прекрасная и соблазнительная.

Онъ не видѣлъ ея прихода, не зналъ, въ какое время она пришла.

Лежа въ своей постели, онъ ощутилъ ея теплое дыханіе на своемъ лицѣ. Острый, влажный языкъ щекоталъ его губы. Ея нѣжное, гибкое тѣло прикасалось къ нему и заставляло вздрагивать его члены. Ея станъ былъ тонокъ и небольшія сочныя груди упруги.

Она искала ласкъ...

Но когда онъ, доведенный до послѣдней степени раздраженія, склонился къ ней—она насмѣшливо усмѣхнулась, говоря:

— Я не могу отдаться тебѣ раньше, чѣмъ голову твою не украситъ царскій вѣнецъ.

— Этого никогда не будетъ,—отвѣчалъ онъ.

Она на минуту отвернулась отъ него и потомъ опять прильнула къ нему, горячая и трепещущая.

— А сколько заплатишь ты мнѣ за мои ласки?..— шептали ея губы.

— У меня нѣтъ денегъ.

— А тамъ, на площади?

— Нѣтъ, — твердо отвѣчалъ онъ.

Она опять отвернулась отъ него, а немного погодя, съ новой силой, продолжала его соблазнять.

И онъ опять отказывалъ.

И такъ продолжалось всю ночь—мучительную и безумную—пока, наконецъ, она, недовольная, не ушла.

Когда она уходила, онъ при утреннемъ свѣтѣ увидѣлъ, что это была старая, лѣтъ пятидесяти, женщина —слегка согнутая, худая, накрашенная, отвратительная, какъ всякая ветошь, изношенная, ложная и нечистая.

И онъ радовался, что противосталъ искушенію...

17.

На слѣдующее утро ко мнѣ опять пришли тѣ же старѣйшины, которые были у меня нѣсколько времени тому назадъ, съ умнымъ Александромъ во главѣ.

Какъ и тогда, они опять уговаривали меня принять верховную власть надъ народомъ.

Я отвѣтилъ имъ тѣмъ же отказомъ.

Съ грустными и недовольными лицами вышли они изъ моей комнаты.

Я слышалъ, что за дверью они громко разговаривали.

Особенно рѣзокъ былъ голосъ Александра и, какъ мнѣ казалось, въ немъ звучали угрожающія ноты.

18.

Вечеромъ я засталъ домъ гражданина Наума, гдѣ долженъ былъ поучать, полупустымъ. Тамъ находилось всего человѣкъ пятьдесятъ изъ самыхъ ревностныхъ моихъ послѣдователей.

Несмотря на это, я все-таки, какъ всегда, бесѣдовалъ съ ними нѣсколько часовъ.

Между прочимъ, я сказалъ имъ, какъ больно мнѣ видѣть, что тотъ свѣтлый подъемъ духа, который мнѣ удалось возбудить въ гражданахъ, началъ падать...

По дорогѣ домой, въ одной изъ пустынныхъ улицъ города, я встрѣтилъ толпу людей, которые громко кричали, жестикулировали и пѣли пьяныя пѣсни. Поровнявшись со мной, они съ ненавистью и злобой крикнули мнѣ:

— Соблазнитель, матереотступникъ!

Въ числѣ ихъ, при тускломъ свѣтѣ луны, я узналъ Виталія.

19.

Это было ужасно... Чаша переполнилась до краевъ, и вино бѣшеной струей падало внизъ, на землю.

Тотъ самый народъ, который нѣсколько времени тому назадъ видѣлъ во мнѣ пророка, духовнаго вождя, чуть-чуть не боготворилъ меня — бросалъ мнѣ теперь въ лицо обвиненіе, какъ матереотступнику и соблазнителю.

Но для кого же оставилъ я свою мать и невѣсту, какъ не для этихъ, совершенно чуждыхъ мнѣ по рожденію, людей?

Измученный, усталый, я совершилъ длинный, невыносимый путь, чтобы притти къ нимъ и дать имъ счастіе.

И они?..

О, неблагодарные, неблагодарные! Звѣри, лѣсные звѣри, которыхъ я наблюдалъ по дорогѣ сюда, лучше и признательнѣе васъ!..

Или въ самомъ дѣлѣ, пріобщившись однажды грѣху, я уже недостоинъ быть пророкомъ своего совершеннаго божества?

Но въ такомъ случаѣ — обращался я съ упрекомъ къ той высшей волѣ, которая руководила до сихъ поръ всѣми моими дѣйствіями и передъ которой я преклонялся — зачѣмъ избрала ты меня своимъ орудіемъ? Зачѣмъ вырвала изъ привычной родной обстановки, гдѣ я потихоньку, подобно многимъ другимъ, скороталъ бы свою жизнь?

Подобно другимъ, я бы работалъ и собиралъ деньги, любилъ бы жену и плодилъ бы дѣтей, видя въ этихъ скромныхъ занятіяхъ все назначеніе человѣка.

Зачѣмъ же было отравлять мою молодую довольную жизнь призракомъ какого-то иного, чуждаго мнѣ существованія? Существованія избранныхъ, высшихъ, нищаго и непригляднаго по внѣшности, но прекраснаго и соблазнительнаго по своему внутреннему содержанію?

Этотъ призракъ неустанно звалъ меня за собой. Онъ привелъ меня сюда, чтобы цѣной собственнаго счастія купить счастіе десятковъ тысячъ незнакомыхъ мнѣ людей.

И вотъ оно куплено. Людямъ--больнымъ духомъ

и тѣломъ — возвращается здоровье; заключеннымъ — свобода. Враги открываютъ другъ другу объятія. Богатые раздаютъ свои сокровища нищимъ.

Царство равенства и духовной свободы, царство божіе возстановлено на землѣ...

И вдругъ, въ это время находятся нѣсколько безумцевъ, которые предлагаютъ мнѣ превратить мое совершенное созданіе въ черную первобытную массу, искусную картину — въ грубый лубокъ!

И народъ на ихъ сторонѣ... Рабы соскучились по кнуту и изъ меня хотятъ сдѣлать заплечнаго мастера.

Какъ палачъ я могу властвовать, какъ проповѣдникъ, какъ любящій братъ и утѣшитель — я долженъ подвергнуться поруганію и проклятію.

Или ты обмануло меня, мое божество?

Ты избрало меня и привлекло сюда для служенія ничтожнымъ цѣлямъ власти и роскоши?

Ты расчитывало на мои человѣческія слабости, а когда я остался твердъ, когда я сталъ выше соблазна — ты бросило меня на собственное попеченіе?

Или, можетъ быть, вся прелесть твоя — фольговая паутина? Ничто? Только идея, красивая и привлекательная для глазъ, но совершенно непримѣнимая къ жизни?

Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ же, зачѣмъ именно меня ты избрала мишенью своей лжи?

Я не хочу быть жалкимъ скоморохомъ, и если въ самомъ дѣлѣ нельзя измѣнить строя человѣческой жизни, этой жизни обмана, грязи, насилія и жадности, то лучше я уйду отсюда.

И какъ символъ ужаса, я увидѣлъ ползущаго мимо моего окна человѣка.

Онъ ползъ, а не шелъ, потому что обѣ ноги были у него отняты выше колѣнъ.

— Вѣроятно, какой нибудь пришелецъ, — подумалъ я.

Но, взглянувъ ему въ лицо, узналъ мастерового Никандра, котораго излечилъ въ больницѣ въ первый день своего прихода въ городъ.

Я не зналъ, что говорить отъ изумленія, а онъ, лишь только увидѣлъ меня въ окнѣ, оскалилъ зубы и — о ужасъ! Какой отчаянной злобой, какой ненавистью ко мнѣ загорѣлось его лицо!

Онъ прокричалъ мнѣ какое-то проклятіе и, грозя кулакомъ, поползъ дальше.

Въ этотъ вечеръ, да и въ послѣдующіе я не пошелъ учить въ городъ.

НИЗОСТЬ ЧЕЛОВѢЧЕСКАЯ.

А весна между тѣмъ наступила.

Немногіе изъ моихъ друзей, оставшіеся еще вѣрными мнѣ, приносили изъ города грустныя новости.

Въ городскомъ собраніи дѣло дошло чуть-чуть что не до побоища. Спорящія стороны насилу удалось разнять.

Пора было приниматься за полевыя работы, доходами съ которыхъ, отчасти, существовалъ городъ. Нѣкоторые представители народа требовали, чтобы,

согласно принятому всѣми гражданами новому общественному строю, на работу выходили всѣ жители города, по очереди, безъ различія кастъ и происхожденія.—Вы же сами,—говорили они, обращаясь къ бывшимъ богачамъ,—приняли ученіе мудраго пришельца,—какъ меня называли,— о равенствѣ людей.

Но аристократы и ученые слышать не хотѣли о полевой работѣ въ грязи и холодѣ, да и вообще о какой-либо работѣ. Особенно волновались ихъ изнѣженныя жены и дочери.

Они начали оспаривать доводы людей изъ народа, а меня иначе не называли, какъ шутомъ и нахаломъ, достойнымъ только быть брошеннымъ въ помойную яму.

Самые крупные изъ богачей, какъ Дарій и Александръ, первые привезшіе свои сокровища на городскую площадь, потребовали выдачи ихъ обратно.

Они прислали на площадь своихъ лошадей и повозки.

Но народъ прогналъ возчиковъ съ громкими криками:

— Не дадимъ, это общее достояніе!

И когда богачи и ихъ бывшіе сатрапы, которымъ невыгодно было новое положеніе вещей, силой захотѣли взять свои сокровища — на площади произошла свалка.

— Если они берутъ,— кричали бѣдные граждане,— такъ и мы будемъ тащить!

Стража была опрокинута и начался грабежъ.

ПОБѢДА.

Ночью, двое изъ моихъ друзей, съ взволнованными и блѣдными лицами, вошли въ мою комнату.

— Бѣги изъ города! — сказали они.— Разъяренная толпа идетъ къ твоему дому. Они хотятъ растерзать тебя... Мы принесли тебѣ крестьянское платье. Переодѣвайся скорѣй и бѣги. Каждая минута дорога.

Что же это? Что же это, наконецъ? Не ослышался ли я? Я не вѣрю своимъ ушамъ. Повторите, что вы сказали, дорогіе друзья мои?

И они повторили:

— Переодѣвайся скорѣй и бѣги.

— Что же это, наконецъ? Что же это?

Но теперь я не ослышался. Они ясно повторили:— бѣги!

Я долженъ бѣжать! Какъ? Я долженъ бѣжать изъ города, въ который пришелъ, чтобы подарить жителямъ его вѣчный миръ?

Я долженъ бѣжать отъ озлобленной толпы, толпы, которая еще недавно молилась мнѣ! Я долженъ бѣжать!

Но вѣдь я однимъ властнымъ словомъ могу остановить эту безумную толпу. Мнѣ стоитъ только сказать жалкимъ муравьямъ:

— Молчите! Я — царь вашъ. Владыку ли своего смѣете раздражать недостойными рѣчами? Ницъ передо мной!

И всѣ повергнутся ницъ, и золотой вѣнецъ украситъ мою голову.

Украситъ или... опозоритъ?

Что же ты ничего не говоришь мнѣ, мой внутренній голосъ?

Что же молчишь — тотъ, который привелъ меня сюда? Говори же! Говори скорѣй! Говори, и я съ покорностью склонюсь передъ каждымъ твоимъ повелѣніемъ.

Но она замолчала, высшая воля, руководящая мною до сихъ поръ. Замолчала съ тѣхъ поръ, какъ въ послѣдній разъ я отказался отъ предложенной мнѣ народомъ верховной власти, послѣ того, какъ прогналъ Виталія, не поддавшись ни одному изъ его искушеній.

Она увидала во мнѣ равнаго и предоставила меня самому себѣ.

Зачѣмъ же, безумный, призываю я ее теперь? Или у меня не хватитъ мужества, чтобы противостать еще разъ соблазну?

Или, въ самомъ дѣлѣ, ничтожный мишурный блескъ пурпурной мантіи такъ привлекателенъ?

Дайте же мнѣ скорѣе крестьянскую одежду, милые друзья мои! Вашъ другъ, вашъ учитель по-прежнему останется на своей недосягаемой высотѣ...

И я бѣжалъ.

22.

Я бѣжалъ за городскую черту, преслѣдуемый грубой руганью и градомъ камней, потому что толпа узнала меня и въ крестьянской одеждѣ и настигла еще невдалекѣ отъ моего дома.

Но странно—камни ударялись въ мою спину, били мнѣ въ голову и въ ноги, не причиняя ни малѣйшей боли.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ.

Выйдя въ поле, я пошелъ тише. Толпа перестала меня преслѣдовать.

Ночь была какъ то особенно хороша. Блѣдная, фіолетовая чадра окутывала землю. Блѣдная отъ матовыхъ лучей мѣсяца, фіолетовая отъ теплаго пара земли.

Ароматы весеннихъ цвѣтовъ вплетались въ мягкую фантастическую ткань, въ причудливыхъ узорахъ сливаясь съ разнообразнымъ, то тихимъ и мелодичнымъ, то рѣзкимъ и крикливымъ, пѣніемъ ночныхъ птицъ.

И та самая дорога, которая казалась мнѣ такой тяжелой, такой непроходимой еще недавно, когда я шелъ въ городъ, лежала передо мной теперь легкая, ровная и широкая...

24.

Сколько воздуха! Сколько простора!

Опьяненный, очарованный окружающей красотой, двигался я впередъ и впередъ, не желая думать, куда и зачѣмъ я иду.

Между тѣмъ я шелъ домой—туда, на родину, въ милый покинутый край, гдѣ оставилъ старуху-мать, невѣсту, друга... Живы ли они? Какъ встрѣтятъ меня? Благословятъ или проклянутъ?

Все равно... Я жажду видѣть ихъ дорогія, любимыя лица, слышать родную, ласкающую рѣчь.

Мой подвигъ оконченъ. Изъ всѣхъ искушеній я вышелъ побѣдителемъ. Я побѣдилъ самаго страшнаго, хитраго и коварнаго врага—самого себя. Съ покойнымъ сознаніемъ исполненнаго долга вернусь я въ отчій домъ.

25.

Я пришелъ къ большому серебристому тополю.

Гордый и красивый великанъ одиноко стоялъ среди полей. Кто знаетъ, какъ давно?

Но по легкому таинственному шороху его листьевъ, ровному и протяжному, какъ рѣчь старика, да по блестящей его сѣдинѣ, кажется, долго стоитъ онъ здѣсь, много видѣлъ и слышалъ и много можетъ разсказать занятнаго про большую проѣзжую дорогу.

У тополя эта дорога развѣтвляется, образуетъ двѣ,

узкую и широкую, идущія дальше по двумъ противоположнымъ направленіямъ.

Широкая ведетъ ко мнѣ на родину, узкая — въ пустыню.

Я пошелъ по широкой.

Не успѣлъ, однако, пройти и полуверсты, какъ замѣтилъ, что небо стало хмуриться. Свинцовыя тучи медленно заволакивали роскошную синеву, покрывая ее густымъ дымчатымъ пологомъ.

Послѣдніе лучи солнца грустно блеснули, яркіе и мимолетные, блеснули и скрылись. Стало свѣжо. Запахло сыростью и мелкія холодныя капли весенняго дождя посыпались на землю.

Скоро онѣ пронизали мою легкую одежду и, образовавъ вмѣстѣ съ ней одну сырую массу, болѣзненнымъ, леденящимъ прикосновеніемъ раздражали мое тѣло.

И странно! Безчувственное къ ударамъ камней, брошенныхъ человѣческими руками, капли дождя, падающія съ верху, раздражали его, причиняли ему страданія

26.

Я долго шелъ по дорогѣ, которая дѣлалась все болѣе и болѣе знакомой.

Вотъ поодаль деревня, куда я постоянно ходилъ и ребенкомъ и юношей.

Дальше старый храмъ, а за нимъ и нашъ родной поселокъ.

Съ волненіемъ, съ учащенно бьющимся сердцемъ, вступаю въ главную улицу.

Мнѣ нужно пройти ее всю. Домъ моей матери въ самомъ концѣ поселка.

ДОМА.

Я иду быстро. На улицѣ никого нѣтъ. Всѣ спятъ. Во всѣхъ окнахъ темно.

Я иду быстро.

Никто не замѣчаетъ меня. Никто изъ живущихъ въ этихъ знакомыхъ маленькихъ домикахъ не знаетъ, что неудавшійся пророкъ возвратился на родину.

Завтра интересная вѣсть облетитъ всю округу. Ее будутъ передавать другъ другу съ удовольствіемъ мѣстныя сплетницы. На меня высыпятъ смотрѣть со всѣхъ сторонъ. Я сдѣлаюсь здѣсь притчей во языцѣхъ на нѣсколько мѣсяцевъ.

Ну и пусть. Лишь бы мать, лишь бы невѣста не бросили мнѣ упрека.

Но если и онѣ осудятъ меня—я все-таки не раскаюсь ни въ одномъ изъ своихъ поступковъ. Я исполнялъ высшую волю пославшаго меня. Передъ нимъ я долженъ быть чистъ раньше всего!..

Длинная улица кончается. Замедляю шаги и все-таки, какъ тихо не иду, знакомый домъ становится все ближе и ближе.

Вотъ онъ — маленькій, сѣренькій, слегка покосившійся на бокъ.

Темно въ окнахъ. Тутъ тоже спятъ.

Надо будить.

Я подхожу къ окну и привычной рукой хочу стукнуть въ стекло. Но, вмѣсто стекла, кости моихъ согнутыхъ пальцевъ попадаютъ въ пустоту. Въ старой сломанной деревянной рамѣ стекла нѣтъ.

Сквозь черное отверстіе окна я стараюсь разглядѣть, что дѣлается въ комнатѣ. И, при блѣдномъ свѣтѣ затянутой тучами луны, мнѣ кажется, что тамъ ничего нѣтъ.

Въ недоумѣніи, въ жуткомъ страхѣ, бѣгу я къ входной двери. Стучу въ нее громко, до боли въ рукѣ. Можетъ быть, кто-нибудь отворитъ? Отвѣта нѣтъ, и я начинаю нетерпѣливо дергать дверную ручку.

Прибитая гвоздями, она еще крѣпко сидитъ на своемъ мѣстѣ и только желѣзный лязгъ ея глухо раздается въ окружающей тишинѣ. Въ домѣ молчаніе.

Я съ силой тяну за ручку. Я хочу отворить дверь и начинаю ломать ее. Я хочу видѣть, что дѣлается въ моемъ родномъ домѣ.

Да, я хочу видѣть!

Еще одно усиліе, и дверь осталась у меня въ рукѣ.

Я дома.

И — ужасъ! Такимъ ли представлялся мнѣ покинутый еще такъ недавно милый кровъ! Пустота. Запахъ гнили и сырости. Стая мышей, испугавшаяся моего появленія и въ дикой тревогѣ разбѣгающаяся по норамъ!..

Гдѣ же мать?

Мама! Гдѣ ты, мама?

Какъ безумный, бѣгу я въ другія комнаты, ищу за дверями, осматриваю каждый уголъ и, никого не найдя, падаю на полъ и въ страхѣ, въ изступленіи зову:

— Мама, мама!

И какъ бы въ отвѣтъ на мой отчаянный вопль, въ тишинѣ, надъ трубой нашего дома, раздается зловѣщій хохотъ.

Кто это? Кто смѣетъ хохотать надъ моимъ чувствомъ? Надъ чувствомъ сына, зовущаго любимую мать? Кто ты, хохочущее чудовище?

Надъ трубой новый хохотъ.

Это хохотъ надъ слезами убійцы, оплакивающимъ свою жертву.

Неужели?..

Нѣтъ! Нѣтъ! она жива, моя мать. Она просто оставила этотъ домъ, потому что ей скучно было жить одной, переѣхала къ кому-нибудь изъ родныхъ или сосѣдей...

Пустое утѣшеніе. Оно ничего не говоритъ сердцу. Я слишкомъ хорошо знаю характеръ своей матери, чтобы предположить, что она можетъ жить въ чужомъ домѣ.

Въ чужомъ домѣ — со своимъ гордымъ горемъ о потерянномъ сынѣ! Нѣтъ. Никогда...

Она умерла! Умерла!

Я знаю, чувствую; объ этомъ говорятъ мнѣ стѣны сырого неприютнаго дома.

Она умерла!

Рѣзкій хохотъ надъ трубой смѣняется дикимъ плачемъ, жалобнымъ плачемъ, страстнымъ плачемъ женщины по погибшемъ любовникѣ, пронзительнымъ плачемъ ребенка надъ разбитой игрушкой.

Это слезы убійцы, но невольнаго, несчастнаго убійцы надъ трупомъ своей случайной жертвы.

Филинъ! Филинъ! Такъ это ты?

28.

Кошмарная ночь! Безпросвѣтное утро!

Съ какимъ нетерпѣніемъ ждалъ я часа, когда поселокъ проснется!

Мои первые шаги были къ дому Виталія.

Я помню его хорошо—желтый, невзрачный, грязный, съ маленькими окнами, этотъ домъ напоминалъ тюрьму.

И помѣщался онъ въ боковой узенькой улицѣ, тоже грязной и тоже невзрачной.

Вотъ она — эта улица.

Да, безусловно она.

Но почему же здѣсь нѣтъ знакомаго дома, который я ищу?

Я нѣсколько разъ прохожу улицу, взадъ и впередъ.

Стараго дома Виталія нѣтъ.

На его мѣстѣ высится большая двухъэтажная постройка, съ вывѣской, на которой громоздкими золотыми буквами изображено: «гостинница».

Должно быть Виталій продалъ свой домъ? Ему

продолжало не везти на родинѣ и нужда заставила его уѣхать въ другое мѣсто.

Вхожу въ гостинницу справиться.

На встрѣчу мнѣ выходитъ высокій мужчина съ черной бородою.

Лицо какъ будто знакомое.

Вглядываюсь и... узнаю Виталія.

29.

Виталій разбогатѣлъ.

Послѣ того, какъ онъ вернулся домой изъ безуспѣшнаго путешествія ко мнѣ, въ городъ, и моего отказа исполнить его просьбу, онъ женился на Еленѣ изъ любви къ ней и изъ жалости.

Онъ не могъ равнодушно видѣть слезъ бѣдной покинутой дѣвушки, опозоренной въ глазахъ всего поселка. Къ тому же у Елены умерла тетка и оставила ей кое-какія сбереженія.

Они открыли маленькое трактирное заведеніе.

Елена оказалась очень практичной и способной хозяйкой. Цѣлые дни проводила она за приготовленіемъ различныхъ вкусныхъ и дешевыхъ блюдъ, а вечеромъ и ночью занималась угощеніемъ гостей, служила у стола, считала деньги.

Виталій помогалъ ей, и дѣло пошло...

Это все передавалъ мнѣ Виталій, ведя меня къ себѣ, въ квартиру.

— Черезъ нѣсколько лѣтъ, — продолжалъ онъ, — мы расширили заведеніе.

— Какъ нѣсколько лѣтъ? Я только въ прошломъ году ушелъ отъ васъ.

Виталій улыбнулся.

— Ты ушелъ отъ насъ ровно семь лѣтъ тому назадъ.

— Семь лѣтъ! Возможно ли?

Мое отсутствіе изъ дома, мой искусъ, значитъ, продолжался семь лѣтъ и я, отдавшись всецѣло своей духовной жизни, не замѣтилъ этого! Не замѣтилъ всей продолжительности своего пути, не замѣтилъ, что, пока я шелъ въ городъ и училъ тамъ народъ, пока вернулся изъ города домой — солнце семь разъ сдѣлало свой всесвѣтный путь.

Семь лѣтъ!..

— На пріобрѣтенныя торговлей деньги мы выстроили новый домъ, — продолжалъ, между тѣмъ, Виталій свой разсказъ, — и открыли въ немъ гостинницу. У насъ пять человѣкъ дѣтей. Старшему уже шесть лѣтъ... Онъ очень похожъ на тебя.

Я разсѣянно слушалъ. Меня поразилъ стремительный потокъ времени, опрокинувшійся на меня.

— А мать моя, — вдругъ спохватился я. — Гдѣ моя мать?

— Она умерла, — со спокойной грустью отвѣчалъ Виталій. — Она не вынесла позора своего сына...

Позора или величія? Ахъ, мама, какъ жаль, что мы говорили съ тобой на разныхъ языкахъ!

30.

Я увидѣлъ Елену.

Она вошла въ комнату — полная и неуклюжая, въ дешевомъ атласномъ платьѣ съ претензіей на вкусъ.

Перетянутая и все-таки неуклюжая.

Лицо ея носило слѣды красоты, хотя сильно погрубѣло и обрюзгло. И главное, въ немъ потухъ былой огонекъ вдохновенія, печать духа, какъ мнѣ раньше казалось.

Улыбка сытой пошлости замѣнила его.

Полно, да и была ли эта печать духа на ней?

Просто животная страсть говорила въ неудовлетворенномъ организмѣ и похотью свѣтились глаза.

О какъ я счастливъ, какъ счастливъ, что не связалъ своей жизни съ ней, съ другой, ей подобной, что я одинъ—гордый, свободный титанъ духа, больше титана, зижди...

Но остановись на полусловѣ, порочный языкъ! Молчите, уста недостойныя!

Прости мнѣ дерзновеніе мое—ты, пославшій меня!

31.

Я долго разговаривалъ съ Еленой, и каждымъ своимъ словомъ она, казалось, хотѣла показать мнѣ свое превосходство и превосходство ея Виталія надо мной, практическихъ идеаловъ надъ духовными.

Она точно не видѣла пропасти между двумя крайними мірами—моимъ и ихъ міромъ, или видѣла и намѣренно старалась заполнить ее цѣлымъ рядомъ увѣренно высказываемыхъ пошлыхъ житейскихъ сентенцій.

Прежняго между нами точно не существовало. Оскорбленное самолюбіе отверженной самки уничтожало его.

И однимъ изъ вопросовъ Елены, обращенныхъ ко мнѣ, вопросомъ ядовитымъ, подготовленнымъ съ цѣлью особенно больно уколоть меня, былъ вопросъ:

— Что же ты будешь теперь дѣлать? Какимъ трудомъ зарабатывать хлѣбъ?

— Я буду чернорабочимъ,—отвѣчалъ я ей совершенно спокойно.

Я хотѣлъ добавить, что по ученію, фарисейски исповѣдываемому ею и народомъ, къ которому она принадлежала, не въ физической сытости заключается цѣль человѣческой жизни. Но это было бы обличеніемъ, а я усталъ обличать.

32.

Виталій предложилъ мнѣ провести у него нѣсколько дней, отдохнуть послѣ далекаго странствованія. Искренно благодарный ему, я охотно согласился на его любезное предложеніе. Дѣйствительно, покой необходимъ моему утомленному тѣлу.

— Ты поможешь немного Еленѣ управляться внизу

въ трактирѣ. Тамъ по вечерамъ обыкновенно бываетъ особенно много дѣла,—прибавилъ Виталій.

И на это я охотно согласился. Отчего, въ самомъ дѣлѣ, мнѣ было не помочь Еленѣ? Хотя я и не зналъ хорошенько, въ чемъ собственно будетъ заключаться моя помощь. Записывать счеты? Стоять за конторкой или мыть тарелки посѣтителей?

Мнѣ все казалось одинаковымъ, одинаково мелкимъ и ненужнымъ, но не заплатить за гостепріимство я не могъ.

33.

Я, конечно, и не подозрѣвалъ, что одно мое появленіе вечеромъ въ трактирѣ, одинъ слухъ объ этомъ появленіи, сторицей окупитъ всѣ затраты на оказываемый мнѣ Виталіемъ скромный пріемъ, увеличитъ въ десять, двадцать разъ его обычный ежедневный доходъ.

Когда я вечеромъ спустился въ трактиръ, оказалось, что меня тамъ ждали цѣлыя стаи любопытныхъ.

Праздный и скучающій житель поселка собрался смотрѣть на представленіе.

За столикъ платили большія деньги.

Проповѣдникъ, отвергнувшій царскій вѣнецъ, фокусникъ, дикій человѣкъ, не сумѣвшій воспользоваться богатствомъ, которое было въ его рукахъ, и нищимъ вернувшійся на родину – это былъ какой-то феноменъ, женщина-обезьяна, великанъ съ однимъ глазомъ!..

Меня встрѣтили—одни смѣхомъ, другіе—удивленными взглядами, третьи съ какимъ-то страхомъ разсматривали меня, точно боялись, что я на нихъ брошусь.

Ко мнѣ потянулась буквально цѣлая толпа.

Градъ вопросовъ посыпался на меня.

Меня разспрашивали о вещахъ, о которыхъ я не имѣлъ никакого понятія.

Оказывается, что поселокъ, за отсутствіемъ другихъ духовныхъ интересовъ, жилъ только мною или, вѣрнѣе, тѣми жалкими обрывочными слухами обо мнѣ, которые до него доходили.

Онъ считалъ меня своимъ и теперь предъявлялъ мнѣ неудовольствіе за неоправданныя надежды, возлагавшіяся на меня.

Точно, въ самомъ дѣлѣ, эти люди зажгли во мнѣ священную искру! Точно по ихъ внушенію совершилъ я свой подвигъ!

34.

Говорили только обо мнѣ.

Мнѣ надоѣдали разспросами и разговорами, фальшивыми соболѣзнованіями, за которыми я читалъ: — какъ же ты глупъ, ты могъ владѣть царствомъ и не взялъ ничего!

Было, впрочемъ, много и скептиковъ, которые просто не вѣрили разсказамъ о моей жизни въ городѣ.

Другіе подозрѣвали, что я принесъ съ собой деньги, но умышленно скрываю ихъ...

МАРКЪ.

Дитя. Мальчикъ. Маленькій, худощавый, съ большой головой и рѣденькими, льняного цвѣта кудрями съ глазами—большими, добрыми, любящими и преданными глазами, сѣровато-синими, выпуклыми, окаймленными длинными, длинными рѣсницами.

И когда глаза эти смѣялись, въ нихъ, казалось, отражалась радость всей окружающей жизни—веселой и праздничной, и, глядя въ нихъ, тянуло тоже смѣяться и жить. И, наоборотъ, когда они туманились грустной мыслью—дѣлалось такъ тяжело на сердцѣ, что хотѣлось плакать вмѣстѣ съ ними или отдать все, чтобы они не плакали.

Его звали Маркомъ.

Ему было шесть лѣтъ, хотя по зрѣлымъ отвѣтамъ, которые онъ давалъ говорившимъ съ нимъ, по остроумію и находчивости его рѣчи—ему можно было дать гораздо больше.

Это былъ мой сынъ.

Мой сынъ!

Старшій ребенокъ Елены, общій любимецъ, душа семьи и улицы.

И только очерствѣвшее въ жизненной борьбѣ, среди грубыхъ стремленій къ наживѣ, сердце Елены, матери, могло такъ легко согласиться отдать Марка мнѣ.

Къ тому же ей хотѣлось угодить Виталію, который хотя и ласково относился къ мальчику, но завидовалъ его превосходству надъ своими дѣтьми.

36.

Онъ былъ мой.

И не только физическое сходство влекло меня къ нему—я любилъ въ немъ отзвукъ моей души, отраженіе моего внутренняго міра.

Жить у Виталія оказывалось невозможнымъ. Назойливые гости трактира, да и гостинницы не давали мнѣ покоя.

Если я не выходилъ къ нимъ, то болѣе наглые изъ нихъ сами находили меня въ домѣ и требовали, чтобы я разсказывалъ имъ о своемъ странствованіи.

И когда я молчалъ, они бывали недовольны и грубо оскорбляли меня, называли нищимъ, гордецомъ, глупцомъ и безумцемъ. Когда же я начиналъ говорить, они не понимали моей рѣчи и пошло смѣялись тамъ, гдѣ слѣдовало скорбѣть, и, напротивъ, плакали и со слезами сочувствовали тому, что было достойно насмѣшки и порицанія. И хотя ихъ ослиныя копыта не способны были причинить мнѣ боли, но безпокойство отъ нихъ я постоянно чувствовалъ.

А болѣе тихіе хотя и стѣснялись итти ко мнѣ, но не менѣе нахаловъ интересовались мною. Мелкое самолюбіе и утиное самодовольство мѣшали имъ только открыто признаться въ своемъ ничтожествѣ.

Они сидѣли въ трактирѣ, но сквозь стѣны я чувствовалъ на себѣ ихъ тупые взгляды, обращенные на

меня со снисходительнымъ презрѣніемъ, съ сознаніемъ своей недосягаемой жизненной мудрости.

Въ старомъ домикѣ, оставшемся мнѣ послѣ матери, я устроилъ комнатку почище и поудобнѣе, кое-гдѣ подперъ потолокъ и починилъ стѣны и въ ней помѣстился съ Маркомъ.

Днемъ я работалъ, а вечеромъ мы вдвоемъ вели безконечныя бесѣды. Не было вопроса, которымъ бы не интересовался любознательный умъ ребенка, предмета, на которомъ бы долго и сосредоточенно не останавливалось его вниманіе. И разспрашивалъ онъ жадно и страстно не только о томъ, что находилось около него, было въ полѣ его зрѣнія—его богатая нервная натура тонкимъ чутьемъ отгадывала далекіе, невѣдомые ему міры, и маленькій человѣкъ пытался мысленно проникнуть въ нихъ, соприкоснуться съ ихъ таинственными, манящими неизвѣстностью формами, узнать ихъ хотя бы изъ разсказовъ. И я разсказывалъ, что могъ.

Новые горизонты открывались дѣтскому мышленію и большіе выпуклые глаза пытливо и настойчиво останавливались на мнѣ, отражая чистую, глубокую мысль, желаніе больше узнать, дальше проникнуть въ суть вещей.

Къ концу вечера маленькая головка утомлялась. Вѣки медленно опускались, а губы шептали новыя, только что узнанныя слова и смыкались для благодарнаго поцѣлуя, нѣжнаго и горячаго, отцу-учителю.

37.

У Марка, кромѣ того, было много практической сметки, умѣнія приспособляться къ жизненнымъ условіямъ, сопротивляемости и разумнаго упорства.

Въ каждомъ своемъ дѣйствіи или дѣйствіи окружающихъ онъ всегда и прежде всего искалъ смысла и чужой волѣ повиновался только тогда, когда ему опредѣленно объясняли, для чего именно предъявляется ему то или другое требованіе. Дѣлать что-либо въ слѣпую онъ наотрѣзъ отказывался, и никакая сила не могла заставить его твердую и живую натуру отступить отъ этого обыкновенія.

Разумнымъ указаніямъ онъ повиновался безпрекословно. За ласки и вниманіе платилъ самой вѣрной любовью, иногда чуть-чуть не обожаніемъ.

Чувство любви въ немъ было особенно сильно. Оно наполняло все его существо, свѣтилось въ прекрасныхъ лучистыхъ глазахъ, въ милой улыбкѣ, изливалось въ волнахъ нѣжныхъ и привѣтливыхъ словъ его поразительно ясной и мягкой рѣчи.

Благодаря этимъ качествамъ Марка, между нами установилась самая тѣсная дружба.

Мнѣ часто казалось, что не ребенокъ говоритъ со мной, а взрослый человѣкъ, и я, какъ взрослому, повѣрялъ ему состояніе своей души, передавалъ свое настроеніе.

И онъ понималъ меня. Понималъ чувствомъ и

умомъ, и жилъ со мной одной сложной духовной жизнью.

Золотые незабвенные дни, проведенные нами вмѣстѣ!

38.

Но и въ уединенное жилище, время отъ времени, начали проникать любопытные взоры жителей поселка. Назойливые люди, соболѣзнующіе бездѣльники, дѣти сплетни и праздности не могли помириться съ тѣмъ, что возлѣ нихъ живетъ человѣкъ, открыто избѣгающій ихъ общества. Живетъ по-своему, собственными имъ самимъ созданными интересами, не касаясь мелкой сутолоки грязнаго жизненнаго базара, не желая входить въ нее, близко познавшій человѣчество, охладѣвшій къ нему и презирающій его.

Къ намъ сначала изрѣдка, робко стали приходить болѣе близкіе сосѣди. Затѣмъ ихъ примѣру послѣдовали и дальніе.

Приходили и сидѣли подолгу. Осуждали простоту нашего дома. Надоѣдали мнѣ совѣтами жениться, заняться торговлей или какимъ-нибудь другимъ дѣломъ. Грубыми шутками пачкали святость моего уединенія, поносили мои вѣрованія. Они наступали на меня сильной, сплошной ратью, давили меня грузной тяжестью сѣрыхъ массъ, пользуясь тѣмъ, что я не имѣлъ смѣлости открыто сказать имъ:— уходите вонъ изъ

моего жилища, разъ вы не можете возвыситься до его обитателя.—Но и это едва ли помогло бы.

Наши милые одинокіе вечера съ Маркомъ были отравлены, и я серьезно началъ думать объ удаленіи въ пустыню.

Къ тому же тѣсныя формы поселка — убогія и однообразныя, его затхлый воздухъ, скупое солнце днемъ и жалкіе вечерніе огоньки, съ такой томительной неизмѣнной точностью загоравшіеся въ обывательскихъ окошкахъ, какъ только начинало темнѣть,—олицетвореніе будней и шаблона, символъ существованія рабовъ—опостылѣли мнѣ, стѣсняли меня.

Я жаждалъ пространствъ, широкихъ, огромныхъ. Я тосковалъ по безконечному...

39.

Я шелъ въ пустыню.

Хотѣлъ взять съ собой Марка, но боялся, что неизбѣжныя лишенія пустынной жизни черезъ-чуръ сильно отзовутся на ребенкѣ.

Къ тому же я самъ не былъ еще знакомъ съ этой жизнью.

Я рѣшилъ, что сначала самъ испытаю одинокое существованіе, присмотрюсь къ нему, привыкну и тогда, быть можетъ, къ концу лѣта, возьму къ себѣ сына.

Пока онъ оставался у Елены. Онъ любилъ мать и временами искалъ ее. И она соскучилась по немъ и рада была вернуть его опять на нѣкоторое время себѣ.

Тѣмъ болѣе, что на его содержаніе во время моего отсутствія я передалъ ей деньги, которыя заработалъ поденнымъ трудомъ. Ихъ собралось довольно много. Наша жизнь съ Маркомъ была болѣе чѣмъ скромна.

40.

Я шелъ въ пустыню.

Она была далеко. Мнѣ надо было вернуться на то мѣсто, которое я уже проходилъ разъ въ жизни, когда направлялся изъ царственнаго города, гдѣ проповѣдывалъ, къ себѣ на родину.

У большого серебристаго тополя я свернулъ тогда на широкую дорогу.

Теперь мнѣ предстояло итти по узкой.

Я пошелъ по ней.

Узкая и кривая, каменистая, съ массой извилинъ, сѣрая и одинокая она, казалось, не имѣла конца.

Я шелъ нѣсколько дней.

Сначала было темно и сыро. Но, чѣмъ ближе я подходилъ къ пустынѣ, тѣмъ ярче и веселѣе начинало свѣтить солнце.

Воздухъ сдѣлался сухимъ и чистымъ, пропитанный смолистымъ запахомъ сосны.

Вечеромъ передъ входомъ моимъ въ пустыню, на безоблачномъ небѣ показалась луна.

Привѣтливо и мягко смотрѣло на меня ея огромное голое лицо и смѣялось мнѣ, и холодными лучами освѣщало причудливую картину пустынной страны.

Мы были одни здѣсь, въ безбрежномъ пространствѣ—луна и я. И она казалась мнѣ равной въ своемъ величественномъ одиночествѣ, въ своей высотѣ.

Я чувствовалъ себя легко и гордо.

Титанъ, полный огромныхъ зиждительныхъ силъ, безмятежнаго спокойствія и всеобъемлющей любви!

Титанъ!

Со мной вмѣстѣ шли согбенные старики, немощные, пришибленные, съ тѣлами и лицами, изнуренными безумной жестокостью и самобичеваніемъ.

По направленію къ пустынѣ и обратно, навстрѣчу мнѣ, двигались ихъ фантастическія тѣни — призраки давно почившихъ въ пустынѣ людей.

Я замѣтилъ ихъ и дальше, на общемъ ландшафтѣ пустыни.

На прозрачныхъ тѣлахъ были слѣды веригъ. Деревянныя четки спускались нѣкоторымъ изъ нихъ на грудь.

Я узналъ благочистивыхъ отшельниковъ, учителей смиренія и аскетизма — столповъ вѣры, исповѣдуемой милліонами людей, соединительныя звенья между небомъ и землей.

Почему же они не вмѣстѣ? Почему въ разныя стороны расходятся ихъ равномѣрные шаги? Почему на исхудалыхъ лицахъ не торжество побѣдителей ада и смерти, а старческое убожество, недоумѣніе и юродство? Враждой ко всему свободному и прекрасному свѣтятся ихъ глаза; ихъ тѣла изуродованы и согнуты.

Отчего они не выпрямятся? Не сомкнутся въ тор-

жественный кругъ? Радостнымъ, властнымъ голосомъ не нарушатъ непробуднаго сна безпросвѣтной ночи?

Отчего не закружатся въ сверкающей сарабандѣ во славу творцу и создателю міровъ?

Такое ли воинство довлѣетъ непобѣдимому!

Таковы ли должны быть тіуны всемогущаго!

Уродство противно самому существу мірозданія. Богатому міру органически чуждо приниженное убожество.

Какъ же вы, силясь прославлять творца міра,—чудной сокровищницы благоуханныхъ цвѣтовъ и яркихъ красокъ въ то-же время поднимаете руку на красоту его твореній.

Или вы безумцы, или прославляемый вами властелинъ міра—созданіе вашего жалкаго воображенія, такое же убожество, какъ вы сами?!

Рабы! Нищіе рабы!..

Какъ гордъ, какъ силенъ казался я себѣ въ сравненіи съ ними!

Они съ суевѣрнымъ страхомъ пресмыкались у ногъ фантастическаго чудовища, а я входилъ въ пустыню, чувствуя себя самъ своимъ господиномъ и царемъ...

Полно. Не новое ли это испытаніе?

Но вѣдь истина очевидна. Да...

А можетъ быть?

41.

Съ утреннимъ солнцемъ печальные призраки пустыни исчезли.

ВТОРОЙ ПОЛЕТЪ.

ВЪ ПУСТЫНѢ.

Ее даже нельзя назвать пустыней—одинокую страну горъ и камня. Въ ней слишкомъ мало грознаго, величественнаго.

Гордой силѣ самума—царя пустынныхъ вѣтровъ—здѣсь не было бы разгула.

Здѣсь нѣтъ и жгучаго раскаленнаго песка, нѣтъ удушливаго жара и зноя пустыни, ея ласкающей безпредѣльной дали.

Этотъ уголокъ — намекъ на пустыню. Пожалуй, больше — неудавшійся эскизъ, слабое подражаніе, отраженіе нашей современной жизни съ ея чувствами, волненіями и страстями, слишкомъ ничтожными, чтобы горѣть постояннымъ яркимъ пламенемъ, но вспыхивающими все-таки время отъ времени маленькими болотными огоньками.

Не знаю, найду ли я здѣсь душевный покой. Боюсь, что меня будетъ мучить незначительность размѣровъ картины.

Но пустыня далеко. Тамъ жаръ и зной. А я усталъ,

и истомленное существо мое не выдержитъ сильныхъ стихійныхъ явленій.

И вершины горъ далеки... И холодно на вершинахъ. Еще холоднѣе, чѣмъ здѣсь. И слабымъ ногамъ моимъ не подъ силу карабкаться на отвѣсные гигантскіе утесы.

Здѣсь я срублю нѣсколько деревьевъ, одиноко растущихъ у склона горы, и устрою себѣ хижину, гдѣ и проживу до тѣхъ поръ, пока зимняя стужа не прогонитъ назадъ, въ поселокъ. Но зима далеко.

Теперь только весна вполнѣ раскинула свой благоухающій коверъ и застлала имъ черную, грязную землю.

Яркій и полный рѣзкихъ тоновъ причудливый коверъ послѣдніе дни сталъ раздражать меня своей нестройной пестротой, и я радъ, что нервы мои отдохнутъ и отъ этого остраго ощущенія, въ тихой, горной и каменистой странѣ, гдѣ и рѣдкая травка какая то блѣдно-зеленая.

Ни цвѣтка, ни птицы!

2.

Уже десять разъ солнце взошло и опустилось; десять дней я живу въ странѣ горъ и камня.

3.

Какой покой! Какое чудное, безмятежное настроеніе!

Никуда не итти, ничего не дѣлать, ни къ чему не стремиться.

Я сажусь на горѣ, на большой камень, и молча гляжу вокругъ себя на мягкій солнечный свѣтъ, на широкія поля песку, бѣлѣющія вдали...

Камни вокругъ меня, одни камни.

Сѣрые, синіе, бурые, маленькіе и большіе, молчаливые и безжизненные.

Они лучше людей.

Они такъ мирно лежатъ другъ около друга, не завидуя, не волнуясь, не ища ничьей смерти, не желая никому зла.

Міръ великъ. Каждому довольно мѣста. Зачѣмъ же одни тѣснятъ другихъ? И какой смыслъ въ борьбѣ? И къ чему бороться?

4.

Сегодня солнечный свѣтъ съ какой-то особенной силой разлился по пустынѣ.

Я проснулся отъ его нѣжнаго, но могучаго прикосновенія и почувствовалъ приливъ восторга.

Мнѣ захотѣлось говорить.

Камни окружали меня, и къ нимъ я обратился со своей рѣчью.

Я говорилъ о любви, о всесвѣтной, безпредѣльной любви, которая одна способна возвысить душу надъ міромъ.

— Любите, любите всей мыслью, всѣмъ словомъ, всѣми чувствами—говорилъ я—глубоко, беззавѣтно. Любите міръ, огромный, безбрежный міръ, съ его синимъ небомъ, съ его золотыми звѣздами, луннымъ и

солнечнымъ свѣтомъ--дивнымъ свѣтомъ, чистымъ и ласковымъ!

Любите землю съ ея красивыми и вычурными контурами,—красками, тѣнями... Любите все, что растетъ и живетъ на ней, дышетъ и наслаждается жизнью.

Любите весь міръ! Потому что и въ цѣломъ, и въ части онъ составляетъ высшую гармонію, перлъ созданія!..

И въ отвѣтъ на мои слова, мнѣ показалось, что вѣковые камни зашевелились на своихъ мѣстахъ и тихое—мы любимъ—едва слышнымъ шорохомъ пронеслось по пустынѣ.

5.

Такъ это правда?

Правда, что силой духа и слова можно сдвинуть вѣковую твердыню съ мѣста. Можно горы направить на моря и долины залить водой? Нарушить суровые законы міозданія и благу свободнаго человѣка заставить служить порабощенную стихію?

Снова съ горячей рѣчью обратился я къ камнямъ. Какъ нѣжный цвѣтъ свѣтящагося опала были мягки и ласковы ея переливы, но и какъ опалъ они были тверды и безпощадны. Камнемъ ударяли о камень. Рѣжущимъ лезвіемъ стали вонзались въ рѣдкія поры гранита.

И, казалось, гранитъ—сѣрая и обыденная масса —

долженъ былъ уступить имъ, благороднымъ избранникамъ, сверкающимъ дѣтямъ природы...

И закончилъ я свое обращеніе къ камнямъ страстной мольбой, настойчивымъ и властнымъ призывомъ— велѣніемъ:

— Сдвиньтесь съ мѣста! Явите бога!

Но мрачныя громады не шевелились.

Также розовѣло утро, также свѣжъ и прозраченъ былъ воздухъ, а они, безжизненные и огромные, лежали.

Я еще разъ приказалъ имъ:

— Сдвиньтесь!

Но они попрежнему лежали тихо и неподвижно.

Я заклиналъ ихъ:

— Вѣдь вы только что шевелились! Вы говорили. Я видѣлъ это, я слышалъ звукъ вашего голоса. Сдвиньтесь же! Сдвиньтесь съ мѣста!

Золотые лучи поднимающагося солнца и невозмутимый покой пустыни были мнѣ отвѣтомъ...

И, униженный, посрамленный, въ отчаяніи и изнеможеніи я упалъ на землю.

Униженный – потому что я еще вѣровалъ, и недостатку духовной мощи приписывалъ свою неудачу.

Въ отчаяніи – потому что я начиналъ сомнѣваться въ этой мощи, въ своей мощи, въ мощи пославшаго меня.

Обманъ? Неужели обманъ?

КАМНИ.

Я садился на камни. И, въ жару, ихъ раскаленныя, горячія плиты, пылающимъ прикосновеніемъ, сладостно жгли мое тѣло. Наоборотъ, когда бывало прохладно— холодныя и влажныя—онѣ осыпали меня сырыми ледяными струйками, здоровыми струйками, возбуждавшими бодрость и силу.

Я любовался невозмутимымъ спокойствіемъ камней, мощью и безстрастіемъ гордаго созерцанія, которыми были проникнуты ихъ вычурныя фигуры.

Я думалъ о ихъ стойкости въ вѣковой молчаливой борьбѣ съ окружающей природой, и они представлялись мнѣ великанами, царями жизни, символами твердости, внутренней силы и гордаго презрѣнія къ дешевой сутолокѣ міра.

МІРОЗДАНІЕ.

Кто далъ толчекъ жизни?

Разумный промыслитель или слѣпая стихійная сила?

Стройный планъ или цѣпь случайностей легли въ ея основу?

Не все ли равно?

Свободная, озаренная солнечнымъ свѣтомъ, въ душистыхъ клубахъ весеннихъ испареній — она прекрасна.

Наверху голубое небо, внизу, за гранями пустыни —яркая зелень полей.

Въ горной странѣ я какъ бы стою между двумя мірами.

Мой жертвенный костеръ свѣтитъ для земли, а золотистыя струйки жертвеннаго дыма подымаются кверху.

Кому возжегъ я этотъ огонь?

Реальному существу? Разумному міроздателю? Или фантастическому кумиру, уродливому представленію суевѣрнаго ума?

Не все ли равно? Великому зодчему довлѣетъ поклоненіе.

И я обожаю его въ его царственномъ чудномъ созданіи. Я молюсь ему.

ЖИЗНЬ.

Жизнь прекрасна.

И особенно плѣнительны въ ней—ея зеркальная гладь, ея медлительное теченіе.

Медлительное... Дающее возможность человѣку остановиться на той или другой ступени своихъ исканій, оглянуться назадъ, окинуть взглядомъ прожитое, созданное и спокойно итти дальше.

Только безумцы ухитрились сдѣлать изъ жизни бѣшеную скачку, погоню за грошевыми призами, за кучкой золота или минутнымъ взрывомъ дешевыхъ рукоплесканій толпы.

Безумцы отравляютъ свѣтлый праздникъ жизни

злобой другъ къ другу, насиліемъ, ненавистью, ложью, мелочными разсчетами...

Но безумцевъ много!

Свѣтлый праздникъ жизни превращенъ въ сплошную борьбу изъ за куска хлѣба, оскверненъ безобразнымъ трудомъ, разрушающимъ красивыя формы человѣческаго облика.

Красота поругана въ лучшемъ созданіи жизни — человѣкѣ.

Храмъ оскверненъ.

Свободный духъ человѣческій приниженъ, роскошное тѣло его изуродовано.

Храмъ оскверненъ. Красота поругана!..

Безумцевъ много. Безумцы захватили весь міръ въ свои руки. Загромоздили его мертвыми формами, обычаями, законами. Развратили его насиліемъ и низкопоклонствомъ.

Духовный образъ человѣка опошленъ. Добро и справедливость поруганы.

Храмъ оскверненъ.

Идея вѣчной любви святотатственно попрана. Храмъ любви оскверненъ.

За мелочными идеалами люди не видятъ божественно дивныхъ формъ природы, ея яркихъ и ласкающихъ красокъ, не слышатъ чарующихъ звуковъ. Ароматы цвѣтовъ убиваютъ грязными запахами.

Безумцы! Нищіе, отвратительные безумцы!..

9.

Я боготворилъ природу. Я молился ей. Днемъ, лежа на сожженной зноемъ чахлой травѣ, я отдавался сказочной грезѣ свѣта.

Казалось, все мое существо сливалось съ нимъ — солнечнымъ, яркимъ, нѣжащимъ!

Я растворялся въ лучахъ, плылъ къ солнцу...

Ночью звѣзды влекли меня къ себѣ.

Я молился имъ, и любилъ, и плакалъ отъ восторга, глядя на ихъ спокойно свѣтящіяся тѣла на фонѣ неба—кубовомъ, мрачномъ, застланнымъ посерединѣ серебристой шелковой пряжей.

А утромъ я встрѣчалъ молодую зорю. Встрѣчалъ ее, какъ любимую женщину—торжественную и прекрасную и вѣнчался съ ней въ яркомъ пожарѣ ея сверкающихъ лучей.

10.

Иногда, изъ пустынной и гористой страны я сходилъ внизъ, въ рядомъ лежащую равнину, къ широкимъ полямъ зеленѣющей ржи.

Я наблюдалъ, какъ молодая зелень пышными кустами поднималась надъ черной землей, какъ эти кусты росли, дѣлались шире и богаче и въ короткое время густой порослью закрыли землю.

Появились отдѣльные колосья. Потомъ много ко-

лосьевъ, ровныхъ, тонкихъ и чешуистыхъ, волнующихся и льнущихъ другъ къ другу.

Нива стала пріобрѣтать серебристый оттѣнокъ.

Наступало цвѣтеніе. Начиналась созидательная жизнь.

Таинство брака, нѣжная мелодія оплодотворенія—тончайшій порывъ стихійной страсти—долженъ былъ коснуться милліоновъ молодыхъ, въ постоянномъ молчаливомъ треніи соприкасающихся организмовъ, однихъ утомленныхъ внутренней энергіей, жаждущихъ вылить избытокъ накопившейся животворной силы, другихъ —трепещущихъ, голодныхъ, готовыхъ къ сладострастному воспріятію ароматнаго изліянія, настойчиво требующихъ обновиться...

Я давно охладѣлъ къ половой страсти.

Живя чисто духовной жизнью, постоянно уходя въ глубины всеобъемлющей мысли, уча и учась, я совершенно отстранилъ отъ себя физическій образъ женщины.

Но міръ цвѣтовъ, его возвышенная брачная тайна неудержимо влекли меня.

Отъ нея вѣяло чарами новой, необыденной жизни, благоуханными узорами сказки, симфоніей шороховъ и нѣжнѣйшихъ прикосновеній.

Я слушалъ ее и проникалъ въ ея глубину тонкими нервами своего существа. Сливался съ ней обостреннымъ чувствомъ и возбужденнымъ мозгомъ воспринималъ ее и участвовалъ въ ней.

ОРГІЯ.

Былъ жаркій полдень.

Я подходилъ къ огромному сѣро-зеленому ржаному полю. Отъ него издали шелъ своеобразный, соломистый, пряный и сухой запахъ, и я видѣлъ, что небольшія струйки дыма отдѣлялись отъ него.

Чѣмъ ближе я подходилъ къ безграничной, раскаленной солнцемъ нивѣ, тѣмъ дымныя струйки занимали большія пространства, поднимались выше... И вдругъ, огромные клубы сѣраго, слегка розоватаго подъ солнечными лучами густого дыма застлали поле.

Я догадался, что это была пыльца.

Въ безмолвной тишинѣ, въ палящій зной, горя страстью, послѣ долгаго томительнаго напряженія милліоны колосьевъ извергали ее изъ себя.

Извергали потоками, и она поднималась, сильная, сверкающая, и разстилалась надъ нивой густымъ облакомъ и снова осаждалась внизъ, гдѣ жадными, голодными рыльцами ловили ее женскіе цвѣтки, изнывшіе въ ожиданіи, обезумѣвшіе отъ сладкихъ позывовъ...

Я пришелъ въ поле на слѣдующій день и опять на слѣдующій.

Цвѣтеніе продолжалось, но уже обычное, слабое. Оргія брака прошла. Энергія брачащихся упала.

12.

Въ пустынѣ было прекрасно.

Я ушелъ въ непосредственное воспріятіе свѣта, сливался съ природой, думалъ, пѣлъ, любилъ и мозгомъ, и чувствомъ переживалъ богатую, разнообразную и новую жизнь.

И только мысль о Маркѣ, время отъ времени, — сначала чуть замѣтная и крадущаяся, какъ тать, потомъ болѣе шумная и яркая и, наконецъ, несносная, неотступная, смущала мой покой.

Привязанность къ ребенку оказывалась слишкомъ сильна, его отсутствіе болѣзненно замѣтно.

Гдѣ онъ? Что дѣлаетъ? Думаетъ ли обо мнѣ?

Эти вопросы нетерпѣливо врывались въ мой обособленный духовный міръ, нарушали его стройность, отвлекали мою мысль, направляя ея возвышенныя исканія вѣчнаго въ другую сторону...

Неужели - новое искушеніе?

Какой вздоръ!

Развѣ нельзя просто чувствовать и любить внѣ всякихъ путъ и предначертаній? Каждый, самый ординарный человѣкъ, каждый звѣрь любитъ. Чѣмъ же я хуже?

И развѣ привязанность къ другому существу—къ сыну, другу, женщинѣ—не освѣщена тѣмъ же огнемъ какимъ одухотворяется высшее сродство съ истиной? И я не имѣю права?

Да. Нѣтъ... Да...

13.

Что съ нимъ? Здоровъ ли онъ? Помнитъ ли обо мнѣ?

Онъ, можетъ, страдаетъ и я, сидя здѣсь, не узнаю даже объ этомъ.

Мнѣ нужно видѣть его. Я хочу слышать его разговоръ, чувствовать на себѣ взглядъ его умныхъ, преданныхъ глазъ.

Его присутствіе мнѣ необходимо.

И поздно вечеромъ, одержимый тоской и любовью къ Марку, я пошелъ за нимъ.

Я рѣшилъ привести его въ пустыню и вмѣстѣ съ нимъ жить здѣсь.

Условія жизни оказывались уже не такъ трудны, въ особенности лѣтомъ...

Казалось бы, мои побужденія были вполнѣ естественны, такъ же, какъ и мои дѣйствія. И все-таки уходилъ я изъ пустыни съ какимъ то страннымъ чувствомъ неловкости передъ собой, стыда.

Точно я чему-нибудь измѣнялъ, не выполнилъ чего то, возложеннаго на меня.

Чего? Кѣмъ возложеннаго? Съ какой стати?

Провожали меня тѣни отшельниковъ, схимниковъ и монаховъ, тѣ же, что встрѣтились мнѣ, когда я входилъ въ пустыню.

Они долго шли за мной и смотрѣли мнѣ вслѣдъ.

И, странно, на этотъ разъ фигуры ихъ были крупнѣе и значительнѣе.

Или, можетъ быть, я самъ сталъ меньше?

14.

При выходѣ изъ пустыни странное зрѣлище поразило меня.

На большой деревянной башнѣ стоялъ силуэтъ средняго по размѣрамъ человѣка.

Судя по гордо закинутой назадъ головѣ съ сѣдыми кудрями да по безумно одухотворенным широко открытымъ глазамъ, это былъ пророкъ. Человѣку хотѣлось, чтобы всѣ его видѣли.

Но его обыкновенный, человѣческій ростъ былъ недостаточенъ и потому, вѣроятно, онъ сталъ на башню и, поднявшись на носкахъ, что то вѣщалъ міру.

И голосъ его былъ слабъ. И какъ онъ ни старался повысить его—онъ въ силу естественныхъ условій не могъ заглушить дикаго крика міровой сутолоки.

Огромная, титаническая мысль одухотворяла страннаго человѣка, переоцѣнившаго всѣ цѣнности, гордо становящагося по ту сторону добра и зла.

Огромная мысль стремилась наружу, не умѣщалась въ головной клѣткѣ. И несоотвѣтствіе этого колоссальнаго интеллекта съ обычными человѣческими формами тѣла болѣзненно поражала.

Сверхчеловѣку было тѣсно въ человѣческой оболочкѣ.

Хрупкая, подверженная смерти и тлѣнію, она оказывалась неподходящимъ для его могучаго духа футляромъ.

И все-таки она подчиняла его своимъ закономъ, и онъ бился въ ней, отчаянно и упрямо и, не смотря на свою величину, былъ жалокъ и безпомощенъ, какъ ребенокъ...

МАРКЪ ВЪ ПУСТЫНѢ.

Маркъ непосредственно отдался обаянію природы.

Цѣлыми днями онъ скитался по горамъ, разыскивалъ цвѣтные камушки, бѣгалъ за бабочками. Рвалъ оригинальные, чахлые и сухіе цвѣты пустыни и дѣлалъ изъ нихъ букеты и вѣнки.

Ни времени, ни разстояній для него не существовало. Онъ забывалъ о пищѣ, и большихъ трудовъ стоило иногда вернуть его домой, чтобы покормить.

И то онъ не оставался ѣсть дома, а бралъ съ собой ѣду и бѣжалъ опять въ поля, возбужденный, счастливый.

Это былъ какой то праздникъ, свѣтлый пиръ, безконечно прекрасная и чистая оргія единенія человѣка съ природой, вѣнчальная мелодія, не замутненная разнузданными звуками предвкушаемаго разврата.

Къ вечеру Маркъ возвращался домой усталый, запыхавшійся, нагруженный обильнымъ запасомъ разныхъ мелкихъ камушковъ, травокъ, насѣкомыхъ—всего, что изъ видѣннаго въ теченіе дня казалось ему самымъ

интереснымъ и достойнымъ вниманія и что онъ могъ взять съ собой. Ложась, Маркъ клалъ въ свою постель эти достопримѣчательности пустыни и долго разсказывалъ мнѣ исторію каждаго камушка, каждаго жучка: гдѣ, когда и при какихъ обстоятельствахъ онъ ихъ нашелъ.

И, разсказывая, засыпалъ, улыбающійся, счастливый, мечтающій о томъ, куда пойдетъ и что будетъ дѣлать завтра.

И я радовался, глядя на него, и любилъ его и привязывался къ нему все сильнѣе.

16.

Нашъ домъ, какъ громко называлъ Маркъ мѣсто нашего жилья, представлялъ изъ себя небольшую деревянную хижинку, которую я смастерилъ изъ нѣсколькихъ деревьевъ.

Изъ листьевъ и сучьевъ я устроилъ постель для себя и для Марка. Большой, высокій и сверху плоскій камень въ углу хижины служилъ намъ столомъ, на которомъ мы ѣли и гдѣ я изрѣдка писалъ, отмѣчая на бумагѣ перемѣны своего настроенія, картинки нашей отшельнической жизни, новыя мысли и выводы, приходившіе мнѣ иногда въ голову во время продолжительнаго бездѣйствія и одинокой созерцательной жизни... Вдохновеніе часто овладѣвало мною.

Я обнималъ міръ мыслью, проникалъ въ его глу-

бины и шелъ дальше, къ другимъ недоступнымъ мірамъ, въ чарующую область фантазіи, въ заповѣдныя выси сказки—прекрасной, ласкающей и безобидной.

И ничего другого не нужно намъ было — мнѣ и Марку.

Мы жили полнымъ темпомъ сильной, здоровой и молодой жизни, одухотворенной и прекрасной. И кажущіяся неудобства убогой обстановки нашего жилища были для насъ болѣе, чѣмъ незначительны. Мы ихъ не видѣли. Съ высоты духовнаго подъема ничтожными и мелкими казались физическія лишенія.

17.

Самое счастливое время жизни — возрастъ пяти, шести лѣтъ.

Дальше идетъ книга—сухая, тяжеловѣсная, страшная своей скучной непонятностью. Школа съ ея повседневными заботами, мелкими огорченіями, постоянно уязвляемымъ самолюбіемъ и сѣрой обстановкой, тоску нагоняющимъ видомъ желтыхъ скамеекъ и черныхъ партъ...

Дальше—уныніе, замкнутая комнатная передача балласта необходимыхъ знаній, среди которыхъ дѣйствительно необходимыхъ очень мало, а больше безполезнаго, рутиннаго, давно отжившаго, разсчитаннаго лишь на поддержаніе старыхъ формъ общественной жизни. Лишняя перегородка на пути къ истинному духовному росту индивидуальнаго человѣка.

Въ пять, шесть лѣтъ знанія непосредственно воспринимаются отъ окружающей жизни и чувствительный, начинающій развиваться интеллектъ ребенка поглощаетъ ихъ незамѣтно съ удовольствіемъ, безъ всякаго труда и насилія; каждый день, каждый часъ жизни открываетъ какой-нибудь новый горизонтъ, неиспытанное до сихъ поръ ощущеніе, невиданное зрѣлище, за которое съ жадностью хватается маленькое существо, которымъ всецѣло живетъ нѣсколько мгновеній. И оставляетъ, натолкнувшись опять на что-нибудь другое — новое и неизвѣданное.

Маркъ поступалъ именно такъ.

Огромное пространство пустыни, ея своеобразная природа давали массу различныхъ ощущеній, открывали множество разнородныхъ явленій передъ ребенкомъ. И онъ съ каждымъ днемъ ближе знакомился съ ними, глубже и разностороннѣе проникалъ въ нихъ пытливымъ умомъ и, на моихъ глазахъ, становился взрослѣе и опытнѣе.

Причудливыя очертанія горъ, громадные сѣрые камни, золотистый песокъ и горячіе столбы раскаленной пыли—стремительные, жадные, хотя и не очень большіе смерчи —уже не удивляли его, представляя для него явленіе вполнѣ обычное.

Обычными казались ему и змѣйки, и жучки, и бабочки, поражавшіе его сначала пестротой своихъ красокъ, вычурностью формъ.

Отъ общаго онъ переходилъ къ частностямъ. Сталъ различать ихъ разнообразные виды, наблюдать ихъ жизнь, каждаго въ отдѣльности.

Онъ часами слѣдилъ за тѣмъ, что они дѣлали, чѣмъ питались, какъ жили.

И каждое мелкое наблюденіе получало мѣсто въ богатой памяти ребенка, образовывая цѣнный, дѣвственный запасъ полезныхъ, свободно воспринятыхъ знаній.

ПРАЗДНИКЪ ЖИЗНИ.

Иногда, отрываясь отъ своей одинокой созерцательной работы, безпрестанной работы мысли, я раздѣлялъ съ Маркомъ его прогулку. И для Марка, и для меня эти часы, проводимые вдвоемъ, среди пустыни гдѣ нибудь у отдаленнаго ручейка, подъ деревомъ, у большого камня или заброшенной пещеры—составляли праздникъ, милый и веселый.

Чистый, прозрачно чистый воздухъ, привѣтливое солнце, радостная пѣсня рѣдко, случайно пролетающей птицы, и тишина кругомъ, нѣмая, таинственная тишина...

Мы оба чувствовали благодатную ласку природы. Она одинаково бодрила насъ, пробуждала въ насъ чувство безпредѣльной любви къ окружающему міру и ко всему живущему въ немъ.

Маркъ понималъ меня и я понималъ Марка.

Разница возрастовъ сглаживалась, уничтожалась. Братья-сверстники шли рука объ руку по свѣтлому жизненному пути.

Жить! Жить!

Никакой тѣни сомнѣнія!

Мы любили жизнь, какъ обаятельную радость, какъ тонкую гармонію облагороженнаго чувства и здоровой красоты.

И другъ друга мы любили нѣжно, беззавѣтно. Мы составлили одно нераздѣльное цѣлое. Въ насъ жила одна душа, одно отраженіе всесвѣтной радости объединяло насъ.

— А ты знаешь, почему сегодня такъ ярко свѣтитъ солнце?—обращался ко мнѣ Маркъ съ однимъ изъ своихъ безконечныхъ вопросовъ.

И у меня былъ готовъ отвѣтъ. Я зналъ, отчего солнце свѣтило такъ ярко, я самъ только что думалъ объ этомъ.

— Оно свѣтитъ для всего окружающаго, для насъ съ тобой, чтобы мы сильнѣе могли радоваться его свѣту и жизни,—отвѣчалъ я.

А то я, отдавшись обаянію разлитыхъ кругомъ красокъ, тепла и запаховъ, останавливался въ восторгѣ и спрашивалъ его.

— Ты понимаешь это? Ты чувствуешь?

Онъ внимательно смотрѣлъ своими большими, выразительными глазами, опушенными длинными рѣсницами, и сосредоточенно говорилъ:

— Да.

ДРУЗЬЯ МАРКА.

У Марка были друзья.

Подстрѣленная лисица, которая, вѣроятно, спасаясь

отъ охотника, случайно забрела въ пустыню и осталась здѣсь, не будучи въ состояніи бѣжать дальше.

Маркъ наткнулся на нее въ одну изъ своихъ прогулокъ. Она лежала подъ кустомъ и тяжело дышала. У ней въ верхней части ноги была большая рана, и и съ трудомъ, вытягивая морду, лисица зализывала рану языкомъ. Въ глазахъ у ней было острое страданіе, чувство боли, испуга и голода.

Марку стало жаль ее. Онъ началъ ее ласкать и носить ей пищу.

Я увидалъ лисицу уже нѣсколько дней спустя послѣ перваго знакомства ея съ Маркомъ и меня удивило необыкновенно мягкое, матерински-нѣжное выраженіе глазъ, какимъ она встрѣтила Марка. Что то чистое и благородное, пожалуй, даже одухотворенное было въ этомъ взглядѣ.

Нога ея не совсѣмъ зажила. Она все еще лежала.

Она испугалась меня и, вся задрожавъ, сдѣлала движеніе, чтобы подняться съ мѣста.

Но какъ только Маркъ подошелъ къ ней, она сейчасъ же успокоилась, приподняла хвостъ и стала ласкаться и къ Марку, и ко мнѣ...

Не менѣе несчастны и жалки были маленькія птички въ гнѣздѣ подъ большимъ камнемъ—какъ и лисица, хищники — сѣрые съ большими, открытыми клювами и когтями на лапахъ, оставленные матерью, погибшей, навѣрное, гдѣ-нибудь въ поискахъ за кормомъ.

Гнѣздо было невдалекѣ отъ нашего дома, и къ

нему Маркъ бѣгалъ нѣсколько разъ въ день. Мнѣ также были представлены маленькіе птенцы.

Маркъ кормилъ ихъ чѣмъ только могъ.

тучи.

И протекала безмятежная и красивая жизнь.

И я не замѣтилъ, какъ начало останавливаться ея теченіе, какъ черные контуры тучъ стали обрисовываться въ безоблачно ясномъ пространствѣ.

21.

Маркъ вернулся поздно съ прогулки.

Мы сѣли ужинать. Онъ по обыкновенію говорилъ много, разсказывалъ мнѣ свои дневныя похожденія.

Но мнѣ показалось, что рѣчь его въ этотъ вечеръ была какая то черезчуръ живая, сбивчивая. Ей не хватало обычной систематичности и ясности изложенія.

И глаза Марка блестѣли тревожно и лихорадочно.

Я не придалъ этому особеннаго значенія, тѣмъ болѣе, что онъ скоро легъ спать и заснулъ...

Ночью меня разбудилъ крикъ Марка.

Онъ точно боролся съ кѣмъ то во снѣ, угрожалъ кому то и звалъ на помощь.

Я подошелъ, чтобы разбудить его, но увидѣлъ, что глаза его были широко открыты. Онъ не спалъ. Голова его горѣла.

— Маркъ! Маркъ! Что съ тобой? — спросилъ я тревожно.

Но онъ не отвѣтилъ мнѣ.

Взглядъ его былъ устремленъ куда то впередъ въ пространство, гдѣ онъ видѣлъ, вѣроятно, что-нибудь страшное, потому что дрожалъ и продолжалъ вскрикивать.

Я совершенно растерялся, рѣшительно не зная, что дѣлать съ нимъ, чѣмъ помочь.

Ночь тянулась, мучительная, безконечная. Отдѣльныя вскрикиванія Марка перешли въ тревожный несвязный разговоръ. Онъ вспоминалъ о больной лисицѣ, потомъ о птицахъ, разсказывалъ про какую то комнату, постоянно упоминая мое имя, сливалъ все это вмѣстѣ. Засыпалъ на минуту, тяжело дышалъ и опять просыпался и начиналъ бредить...

Къ утру бредъ прекратился. Но тѣло ребенка пылало. Онъ жаловался на головную боль и ознобъ. Ясно было, что онъ боленъ и сильно боленъ.

Ему была необходима медицинская помощь. Я не имѣлъ права дольше медлить. Я долженъ былъ нести его къ врачу. Иначе... кто знаетъ? Моему отчаянію не было границы. Я цѣлый день думалъ, что предпринять.

Поселокъ былъ далеко отъ пустыни. Дорога сюда отняла у меня больше недѣли.

И все-таки, къ вечеру, видя, что Марку дѣлалось все хуже, что онъ опять впадалъ въ безсознательное состояніе—я пришелъ къ опредѣленному рѣшенію.

Взялъ на руки больного сына, окуталъ его, чѣмъ могъ, и двинулся по направленію къ поселку.

22.

Какая была ужасная ночь!

Начиналась гроза. Вихрь несся по пустынѣ и забрасывалъ мнѣ горячимъ пескомъ глаза.

Было душно и темно. Гремѣли сухіе раскаты грома. И въ отвѣтъ имъ, вокругъ меня, вокругъ насъ слышались глухіе, злобные шопоты, шопоты духовъ пустыни, отшельниковъ, смѣявшихся мнѣ въ лицо.

Они отрѣшились отъ всего земного во имя одной идеи. А я? Я не выдержалъ искуса. Я несъ въ рукахъ это человѣческое, земное—сына, котораго любилъ больше всего на свѣтѣ, ради котораго готовъ былъ на какую угодно жертву.

— Онъ умретъ,—различилъ я возлѣ себя чей то старческій, отвратительный голосъ.

И со злобой и отчаяніемъ я отвѣтилъ:

— Нѣтъ, онъ будетъ живъ.

— Ты купишь его жизнь цѣной будущей славы пророка и вождя?—спрашивалъ опять тотъ же голосъ.

Рядомъ со мной шелъ человѣкъ, высокій, блѣдный, со старческимъ лицомъ, окаймленнымъ сѣдой бородой, съ черными ястребиными, какъ свѣчки горящими, глазами.

Его фигура была огромна, но очертанія ея неопредѣленны и расплывчаты.

Я понялъ, что это онъ задавалъ мнѣ грязный и лукавый вопросъ, и отвѣтилъ съ презрѣніемъ:

— Я не дорожу славой.

Онъ остановился и холодной, безформенной рукой взялъ меня за руку.

— Ты пожертвуешь для спасенія его жизни своимъ пребываніемъ въ пустынѣ? Ты отречешься отъ великой созерцательной жизни, отъ служенія духу и красотѣ? Ты остановишь работу своей безграничной мысли и посвятишь себя его воспитанію въ городѣ? Ты будешь учить его школьной мудрости и жить интересами его маленькой жизни?—продолжалъ старческій голосъ—неумолимый, какъ огонь и звонкій, какъ металлъ,—потому что, когда онъ выростетъ и начнетъ понимать тебя, ты умрешь!

— Я не дорожу жизнью,—отвѣчалъ я,—лишь бы онъ жилъ, а теперь пусти меня, мнѣ нужно спѣшить.

Я хотѣлъ освободиться отъ его руки. Но онъ не отнималъ ея и, продолжая смотрѣть мнѣ въ глаза пронзительнымъ, ястребинымъ взглядомъ, проговорилъ:

— Ты пожертвуешь плодами своего творчества? Той огромной пользой, какую принесетъ человѣчеству новое ученіе, надъ созданіемъ котораго ты работаешь и которое создашь? Ты заметешь слѣдъ, оставляемый твоей жизнью въ мировомъ существованіи, ради... спасенія его жизни?

Я остановился. На секунду почувствовалъ въ груди какъ будто колебаніе, какъ будто сомнѣніе, боль...

Но чувство это было мимолетно. Твердо и увѣренно я отвѣчалъ:

— Да.

... Буря утихла.

Какъ бѣшеные помчались по небу остатки уплывавшихъ тучъ.

Стало свѣтло кругомъ. Звѣзды и мѣсяцъ зажглись.

Мягкимъ, спокойнымъ сіяніемъ свѣтилась пустыня.

Человѣкъ, говорившій со мной, исчезъ, растворился въ воздухѣ. И только слѣдъ его холоднаго прикосновенія еще долго леденилъ мнѣ тѣло.

Я склонился къ Марку.

Онъ тихо лежалъ на моихъ рукахъ и смотрѣлъ на меня большими ясными глазами.

Странный приливъ радости наполнилъ мое сердце, точно лучъ надежды блеснулъ особенно ярко, точно опасность была далеко.

Я наклонился къ нему и тихо сказалъ:

— Ты любишь меня?

И едва слышно, но горячо онъ отвѣтилъ:

— Да.

Онъ не бредилъ, не плакалъ въ эту тяжелую, безумную ночь пути. Онъ находился въ полусонномъ, полусознательномъ состояніи. Только тѣло его горѣло и по временамъ онъ тяжело переводилъ дыханіе.

23.

Да. Это было сказано съ полнымъ сознаніемъ и рѣшимостью.

Выборъ былъ одинъ. Жизнь Марка была мнѣ дороже всего на свѣтѣ.

Да и кто могъ предлагать такой выборъ? Ночь? Усталость? Возбужденные нервы? Игра воображенія?

Но если бы и допустить, что выборъ на самомъ дѣлѣ могъ быть предложенъ, я бы отвѣтилъ точно такъ же, какъ отвѣтилъ безобразному призраку пустыни.

24.

Мы шли шестой день.

Въ состояніи здоровья Марка перемѣнъ, какъ мнѣ казалось, не было. Только голосъ его сталъ слабѣе и рѣчь менѣе отчетлива.

Но я приписывалъ это утомленію отъ долгой дороги.

25.

Маркъ лежалъ на своей постели въ нашемъ старомъ домикѣ, въ поселкѣ.

Его лицо было блѣдно. Онъ едва отвѣчалъ на вопросы, которые ему задавали.

Около него сидѣла Елена. Материнское чувство

пробудилось въ ней при видѣ больного сына—страстное и нѣжное—и одухотворило этотъ мелкій и опошлившійся образъ торговки.

Едва удерживая слезы, давала она Марку воду, уговаривала принимать средства, предписанныя докторомъ, хотя надежда на помощь ихъ была слабая.

Да и Маркъ не хотѣлъ ничего пить, онъ съ раздраженіемъ отклонялъ отъ себя предлагаемыя снадобья. Онъ искалъ покоя.

Пришелъ врачъ и новымъ осмотромъ опять грубо и безжалостно нарушилъ этотъ покой. Покой приближающейся смерти.

Смерти? Смерти?

Да. Смерти.

Она наступала, она прокрадывалась къ намъ въ домъ—черная и отталкивающая—предательски сторожила дыханіе моего бѣднаго мальчика...

Но я не зналъ этого, не чувствовалъ. До послѣдней минуты я думалъ, что Маркъ поправится, не умретъ.

Врачъ обманывалъ меня и Елену.

Насъ обманывали окружающіе, приходившіе навѣщать Елену и за нѣсколько времени до страшнаго конца ясно различавшіе печать смерти на его лицѣ.

И только мы—мать и отецъ—не видѣли ничего.

Я склонился надъ нимъ и осторожно дотронулся губами до его рта. И тихимъ, едва осязаемымъ поцѣлуемъ отвѣтилъ мнѣ Маркъ.

— Онъ поцѣловалъ меня! Онъ все чувствуетъ!—сказалъ я Еленѣ.

И она съ радостью въ голосѣ проговорила:

— Онъ будетъ здоровъ. Это онъ послѣ дороги такъ ослабѣлъ. Понемногу силы вернутся.

А силы падали.

26.

Маркъ угасалъ.

Его большіе, теперь совершенно синіе глаза застилались дымкой, теряли свое живое выраженіе, а дыханіе дѣлалось учащеннѣе и слабѣе.

Міръ видимыхъ предметовъ переставалъ существовать для него. Онъ едва ихъ различалъ. Онъ уходилъ изъ этого міра, уходилъ отъ меня.

И я чувствовалъ свое безсиліе остановить дорогую жизнь, удержать ее при себѣ, отвоевать у смерти.

Острое сознаніе невозмѣстимости потери вырисовывалось яснѣе, и я слѣдилъ за каждымъ шевеленіемъ любимаго лица, и бѣшеная злоба поднималась во мнѣ. Злоба противъ слѣпого и жестокаго случая, противъ ужаса насилія, такъ безпощадно издѣвавшагося надъ людьми.

Кто смѣетъ? Кто смѣетъ?

— Маркъ, Маркъ!—умолялъ я отходящаго ребенка.—Не умирай, не уходи...

Но глаза его уже слабо двигались. Какъ мнѣ показалось, они одно мгновеніе остановились на мнѣ, и потомъ... совсѣмъ остановились.

— Маркъ! Маркъ! — закричалъ я въ изступленіи,

думая хоть на минуту остановить страшную развязку, смутить торжество смерти.

Мой зовъ остался безъ отклика.

Марка уже не было. Трупъ лежалъ на рукахъ Елены.

27.

И началось суетливое и ненужное.

Началось жалкое человѣческое хожденіе вокругъ человѣческаго тѣла.

Траурное празднество, порожденное безсиліемъ и отчаяніемъ.

Надгробный вопль!.. Безнадежная пѣсня рабовъ, въ красивой мелодіи оплакивающихъ себѣ подобнаго!

Но Маркъ не былъ рабомъ.

Это ложь! Долой черные свѣтильники, узкій ящикъ, который приготовили для его тѣла. Унесите ихъ вонъ!

Уйдите вонъ всѣ!

Я возьму его въ пустыню. Я закопаю его трупъ здѣсь, возлѣ своего дома и буду одинъ надъ нимъ плакать. Уйдите, непрошенные гости! Вонъ! Вонъ!

Мои крики были безплодны.

Меня насиловали. Меня, какъ больного, отвели въ другую комнату и успокаивали.

Человѣкъ въ длинной одеждѣ съ униженнымъ видомъ подошелъ ко мнѣ и въ затверженныхъ разъ навсегда, мертвыхъ выраженіяхъ уговаривалъ меня смириться передъ волей провидѣнія.

Я отвѣтилъ ему оскорбленіемъ. И, сдѣлавъ притворно сокрушенное лицо, онъ ушелъ отъ меня. Но я побѣжалъ ему вслѣдъ и, схвативъ его за рукавъ, настойчиво кричалъ:

— Если онъ есть, то пусть воскреситъ мнѣ моего сына, и если ты его жрецъ, такъ помоги мнѣ! Воскреси его. А не можешь—такъ или ты недостойный жрецъ своего бога, или ваше ученіе только увлекательный вымыслъ.

28.

Они ушли, и я цѣлую ночь стоялъ у тѣла Марка и смотрѣлъ въ это дорогое лицо. Оно было прекрасно.

Страданія послѣднихъ дней облагородили его и безъ того правильныя линіи. Точно чей-то тонкій рѣзецъ прошелся по немъ.

Безмятежное спокойствіе выражало все маленькое существо Марка, отдаленнаго отъ міра. Полетъ невѣдомой мистической птицы... Казалось, онъ говорилъ намъ, окружающимъ, живущимъ:

— Волнуйтесь, дѣлите ваши мелкіе интересы, а я далеко отъ васъ, я не хочу знать будничныхъ счетовъ.

29.

Утромъ пришли мрачные и грубые люди. Съ шумомъ взяли гробикъ Марка и унесли его изъ дома.

Я не мѣшалъ имъ.
Не все ли равно?
Его уже не было.

30.

Я издали видѣлъ, какъ его маленькое тѣло закапывали въ яму на погостѣ. Какъ Елена со стономъ бросила на него горсть земли и какъ послѣдовали ея примѣру окружающіе.

Какъ потомъ, изъ-подъ желѣзныхъ лопатъ большими комьями посыпалась на него тяжелая, влажная земля.

И съ мукой въ сердцѣ, съ проклятіемъ слѣпой и безсмысленной стихіи, я бѣжалъ въ пустыню, искать... чего?

Забвенія? Нѣтъ! Боли! Щемящей, мучительной, душевной боли, боли воспоминаній и упрековъ требовало мое существо.

ЕЩЕ ВЪ ПУСТЫНѢ.

Но невозмутимая красота пустыни не дала мнѣ удовлетворенія. А безграничные размѣры ея давили меня своимъ безучастіемъ.

Она была такою же, какъ и при жизни Марка. Съ его смертью въ ней ничего не измѣнилось.

Также ярокъ былъ свѣтъ, также величественны и безмолвны камни, также тепелъ песокъ.

Почему здѣсь не перевернулось все? Почему не бушуетъ здѣсь буря?

Отчего разнузданный вихрь не несется мнѣ на встрѣчу?

Отчего не стонутъ деревья?

Отчего сѣрыя, гранитныя громады не испускаютъ воплей негодованія?

Маркъ умеръ!

Знаете ли вы, что Маркъ умеръ?

Но солнечный свѣтъ попрежнему мягокъ и лучистъ. Попрежнему шумятъ насѣкомыя и какая-то маленькая птичка, случайная гостья пустыни, чирикаетъ свою пѣсенку...

Гдѣ птицы Марка? Гдѣ лиса?

Онѣ! Онѣ должны оплакивать смерть своего маленькаго благодѣтеля.

Вѣдь если бы не Маркъ, онѣ погибли бы давно въ когтяхъ голодной смерти.

Я бѣгу къ нимъ.

Но ихъ нѣтъ на прежнихъ мѣстахъ. По всей вѣроятности, лисица выздоровѣла и ушла въ родной лѣсъ, въ любимую обстановку, къ себѣ подобнымъ, продолжать свою личную жизнь. Какое ей дѣло до моихъ страданій?

И молодыя птицы, навѣрное, окрѣпли настолько, что могли покинуть непріютную пустыню.

Я одинъ.

Но вѣдь я хотѣлъ быть одинъ?

Развѣ гордый духъ ищетъ сочувствія.?

Въ уединеніи, глазъ на глазъ съ собой, переживаетъ онъ горечь страданія. Въ себѣ же почерпаетъ и утѣшеніе.

Только нѣтъ, нѣтъ! Я не хочу утѣшенія.

РАБЫ.

Вечеромъ блѣдныя фигуры отшельниковъ поднимаются изъ земли и безшумно бродятъ по пустынѣ.

Ихъ видъ благодушнаго смиренія раздражаетъ меня.

Они смирились передъ тѣмъ, съ чѣмъ надо бороться путемъ непрестаннаго упорнаго протеста, кропотливой работы и знанія и, наоборотъ, съ ожесточеніемъ давили всякое проявленіе свободнаго духа.

Въ случайности, въ дикой необузданной силѣ стихіи—они видѣли разумный промыслъ и, какъ безпомощныя дѣти, отдавались ему въ руки.

Близорукіе рабы! Во что превратилось бы человѣчество, если бы послѣдовало ихъ примѣру?!

ОСЕНЬ.

Наступала осень.

Въ пустынѣ дѣлалось холодно. Теплый южный вѣтеръ смѣнился ледянымъ дыханіемъ сѣвера.

Я ушелъ въ поселокъ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Въ своемъ старомъ маленькомъ домикѣ я живу одинъ.

Днемъ я нахожу забвеніе въ тяжелой физической работѣ, а ночью кричу отъ душевной боли, зову Марка и... проклинаю.

35.

Въ безумныхъ ночныхъ мечтаніяхъ мнѣ представляется иногда, что всѣ болѣе сильные, болѣе выдающіеся духомъ и мыслью люди, люди свѣта и разума сплотились и, сообща сдѣлавъ огромное усиліе воли,— побѣдили смерть, пересилили ее.

Само-собой исчезли убійства, казни, преступныя проявленія человѣческой жестокости.

Самое страшное изъ насилій—смерть—пало!..

Но къ утру я уже ясно вижу всю безпочвенность одинокихъ томительныхъ мыслей, породившихъ отрадную грезу.

ТРЕТІЙ ПОЛЕТЪ

НИЧЕГО НѢТЪ.

Ничего кругомъ! Всѣ устои рушились.

Съ одной стороны отвратительная, безумная маска смерти, изъ-за угла подстерегающей свои жертвы, готовой во всякую минуту вырвать у человѣка самое дорогое и любимое, съ другой — грозная и глупая стихія, страшная суровой и грубой жестокостью, безсмысленной случайностью своихъ неразгаданныхъ законовъ.

Несносныя лица людей ненужно сочувствующихъ, фарисейски соболѣзнующихъ. Фарисейски, потому что за притворными слезами, въ глубинѣ сердца у каждаго затаенная радость, что не его хлопнуло, что не онъ попалъ въ тиражъ, а другой; ему же есть еще время попользоваться жизнью, покупаться въ своихъ мелкихъ интересахъ, пока безпощадная рука всемогущаго господина не тронетъ и его.

Но онъ старается умилостивить владыку. Онъ прославляетъ его въ гимнахъ, строитъ жертвенники, несетъ ему въ капище свои послѣдніе гроши.

Онъ всю жизнь униженно молился владыкѣ, а я... поносилъ...

И я наказанъ.

И мелкіе холопы, въ близорукомъ ничтожествѣ, радуются силѣ своего господина!

Какой ужасъ! Какая тина! Пустота вокругъ! Вокругъ ничего нѣтъ. Все проходящее, все колеблющееся, все ненадежное.

Все! Все!..

НОВЫЙ МІРЪ.

Все проходящее, все колеблющееся, все ненадежное. Все...

Полно! Такъ ли?

А я самъ? Мой духовный міръ? Моя высокая индивидуальность?

Вѣдь они остались при мнѣ?

И съ тайной надеждой, съ радостью бѣдняка, случайно обрѣтшаго золото, человѣка, попавшаго, наконецъ, на вѣрный слѣдъ чего-нибудь дорогого утраченнаго, я говорилъ:—да. Они при мнѣ. Я—при себѣ. Пусть я потерялъ все, чѣмъ дорожилъ и къ чему былъ привязанъ, пусть отчаялся въ жизни, любви, въ справедливости; пусть мои вѣрованія обмануты—въ моемъ внутреннемъ я ничего отъ этого не измѣнилось. Оно осталось тѣмъ же. Тѣмъ же высокимъ, кристаллически чистымъ, способнымъ къ духовному воспріятію.

И въ немъ мое утѣшеніе, быть можетъ, смыслъ моей жизни.

Точно также я мыслю, точно такіе же безпредѣльные горизонты открываю передъ собой...

ВЕЛИКОЕ ОБРѢТЕНІЕ.

Я обрѣлъ себя.

Сначала, въ сутолокѣ повседневныхъ событій, потомъ, среди красокъ ласкающей природы—я не замѣчалъ себя. Пестрыя и крикливыя, нѣжащія и возбуждающія -онѣ заслоняли отъ меня мое духовное существо.

И онѣ казались мнѣ значительнѣе.

Мнѣ казалось значительнымъ то, что дѣлалось внѣ меня, а того, что жило внутри, я не замѣчалъ.

Въ погонѣ за созданіемъ руководящаго жизненнаго идеала, я не видѣлъ, что самъ по себѣ я уже составлялъ законченную идею, перлъ созданія, что я носилъ въ себѣ цѣлый міръ — сложный, утонченный, возвышенный

Я.

Я сталъ углубляться въ себя.

Какія сокровища мысли, какія тонкія извѣтвленія чувствъ были во мнѣ сокрыты!

Какъ неутомимый рудокопъ, какъ жадный золотоискатель—слой за слоемъ снималъ я наносные элементы со своего внутренняго я и очищалъ цѣнный блестящій металлъ, сверкающій и чистый.

Кое-гдѣ, правда, по немъ надо пройтись еще опытнымъ напильникомъ мастера, кое-что отшлифовать,

кое-что расплавить и перелить въ новую форму, потому что то, чего я не любилъ въ людяхъ, держалось еще въ извѣстной мѣрѣ во мнѣ; но я могъ работать и исправлять.

Я могъ совершенствоваться.

Передо мною была вся жизнь!

И Я.

Вся жизнь впереди...

Мнѣ ничего не надо въ смыслѣ житейскаго устроительства. Я ничего не ищу и ни къ чему не привяжусь.

Послѣ потери Марка я не могу уже ни къ чему привязаться.

Страшный выкупъ внесенъ за мою духовную независимость.

Мое цѣнное время свободно, насущный хлѣбъ я найду въ небольшой долѣ физическаго труда, а затѣмъ буду мыслить, нравственно совершенствоваться, буду познавать себя.

Я уйду въ свою внутреннюю глубину.

ЕЩЕ Я.

Какая ширь кругомъ!

Изъ своей маленькой комнатки я проникаю за далекія грани міровъ.

Нѣтъ картины, нѣтъ краски, звука или ощущенія, которыхъ я не могъ бы воспроизвести въ своей всеобъемлющей мысли.

Мнѣ все доступно. Каждый предметъ, малѣйшее жизненное явленіе я вскрываю острымъ лезвіемъ своего духовнаго взора, для котораго все открыто и ясно.

Я стою на вершинѣ человѣческаго блаженства и у меня нѣтъ желаній, потому что я обладаю всѣмъ, чего только можетъ желать человѣкъ.

Въ самомъ дѣлѣ, къ чему стремится возвышенный духъ?

Къ правдѣ? Къ добру? Къ красотѣ или мудрости?

Но я являюсь самъ олицетвореніемъ этихъ понятій.

Къ любви?

Но я люблю съ такой силой, какой едва ли можетъ быть противопоставлена другая, равная!.. Я люблю себя, люблю міръ, люблю память моего погибшаго Марка! У меня нѣтъ низменныхъ человѣческихъ стремленій. Я убилъ ихъ въ себѣ.

Однако, если бы и они до сихъ поръ владѣли мной—они были бы удовлетворены всецѣло.

Богатство, половая страсть, слава...

Но нѣтъ такихъ сокровищъ въ мірѣ, которыхъ бы я не могъ себѣ представить здѣсь, въ своемъ обладаніи.

Нѣтъ женскаго образа прекраснѣе и соблазнительнѣе, чѣмъ тотъ, какой я способенъ нарисовать въ воображеніи.

А слава? Какъ понимать ее?

Слава въ узкомъ смыслѣ этого слова — гимнъ рабовъ передъ господиномъ — я обладалъ такой славой, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ странѣ чужеземцевъ, предлагавшихъ мнѣ царство, и презрѣлъ ее, и бросилъ.

А слава, другая слава — слава пророка, учителя, человѣка, открывшаго вѣрный путь къ пониманію жизни, въ самомъ себѣ нашедшаго ея смыслъ, возвысившаго жизнь до своего безсмертнаго, вѣчнаго я и примирившаго это недосягаемое я съ нею — эта слава впереди меня, я знаю, я чувствую ея приближеніе.

ОСВОБОЖДЕНІЕ.

Тяжелымъ, чуждымъ наслоеніемъ лежали на мнѣ мои старыя вѣрованія, вѣрованія отцовъ.

Съ наступленіемъ полнаго духовнаго прозрѣнія я почувствовалъ необычайную легкость. Точно гнетущій прессъ свалился съ меня.

Я дышалъ свободно.

Въ самомъ дѣлѣ, къ чему мнѣ было творить чью-то воображаемую волю и трепетать передъ ней, когда я могу творить свою волю, благоговѣть передъ сознаніемъ своей духовной мощи и молиться себѣ?

Зачѣмъ кадить фантастическимъ богамъ, когда я самъ совершенъ и передъ собой могу возжечь фиміамъ? Мудрость, неподкупная справедливость, великая духовная мощь, глубочайшее проникновеніе въ тайники

человѣческой души, въ суть предметовъ, утонченная чувствительность, измѣняемость, вѣчное движеніе и высшая красота—все это сосредоточено во мнѣ.

Я всеобъемлющъ и многогранeнъ!

Но, кромѣ того, во мнѣ нѣтъ отрицательныхъ качествъ обожествляемыхъ стихій. Во мнѣ нѣтъ безумныхъ порывовъ, причиняющихъ вредъ и страданіе, нѣтъ не только слѣпой, но и разумной злобы. Я давно побѣдилъ ее. И хотя она мнѣ знакома, какъ знакомо всякое чувство, испытываемое человѣкомъ, но я давно не отдаюсь ей. Мое высокое существо покойно и безмятежно. Я не волнуюсь, не ищу разрушенія, не гонюсь за пестрыми формами творчества. Не создаю себѣ креатуръ и не требую дешеваго поклоненія.

Не караю и не милую своихъ рабовъ.

Мой свободный умъ вообще не мирится съ положеніемъ раба и господина. Онъ гордъ и гордымъ желаетъ видѣть носителей человѣческаго образа.

Я неизмѣримо возвысился надъ той бѣдной идеей, надъ тѣми призраками божества, которыхъ создали себѣ люди.

Я совершеннѣе ихъ.

Я инертный покой, я безмятежная зыбь самодовлѣющаго моря, сокровищница высшихъ духовныхъ богатствъ... Я!

КАРА.

Кара за безвѣріе...

О, какъ сладостно сознаніе, что эта мысль уже не страшитъ.

Ложь!

Наказанія нѣтъ. Нѣтъ наказывающаго, нѣтъ справедливаго, нѣтъ промыслителя.

Есть дикая, необузданная стихія, безсмысленно сметающая свои случайныя жертвы и больше ничего!

Я не вѣрю въ прописную истину, презираю устарѣвшіе кумiры!

Презираю! Слышите? Презираю!

Почему же земля подо мною не разверзается?

Отчего всекрушащее пламя не пожираетъ меня?

Земля давно подо мною провалилась и страшный огонь сжегъ мою грудь. Огонь муки душевной, страстныхъ призывовъ и заклинаній, гнетущихъ сомнѣній и безнадежныхъ потерь.

Я закаленъ въ немъ.

Довольно!

Для закаленнаго въ огнѣ нѣтъ страха.

Подлой натурѣ человѣка непремѣнно нужно, чтобы кто-нибудь повелѣвалъ ею. Люди ищутъ подчиненія и даже гордятся имъ, въ песьей низости создавая себѣ идоловъ, правителей, начальниковъ и господъ. Нищій духъ не можетъ быть самъ по себѣ. Въ немъ нѣтъ достоинства, нѣтъ вѣры въ себя. Онъ требуетъ

повелителя. Ему нужны надежда на милость и страхъ передъ кнутомъ.

Но я прошелъ всѣ горнила сложной жизненной печи, пережилъ всѣ нравственныя пытки и страданія міра и одинаково смѣюсь, какъ надъ неисполнимой мечтой, такъ и надъ безполезной трусостью, надъ проходящей радостью и не менѣе мимолетной болью.

Я могъ бы пойти на преступленіе безъ страха передъ казнью.

И если я несовершилъ и никогда не совершу проступка, то не перспектива казни останавливаетъ меня отъ этого, а исключительно сознаніе, что тотъ или иной проступокъ, наносящій вредъ моему ближнему, противорѣчитъ моимъ нравственнымъ взглядамъ.

Сознательное и бережное отношеніе къ жизни человѣка, къ его духовному облику — главный устой общественнаго міра.

А измѣняющійся культъ, государство въ той формѣ, въ какой оно существуетъ издавна и по настоящее время — съ его милліонной арміей, организованной стражей, судами, палачами и пытками никогда не уничтожитъ крови и слезъ человѣческихъ, потому что само оно продуктъ насилія и кровавыхъ раздоровъ. Свободный интеллектуальный человѣкъ живетъ одними своими свободными побужденіями, внѣ узкихъ рамокъ и мертвыхъ стѣсняющихъ обрядовъ.

Онъ силенъ и прекрасенъ, милостивъ и благодушенъ, даже когда негодуетъ, даже когда въ отчаяніи поноситъ своихъ притѣснителей.

Онъ незлобливъ. Насиліе противно ему, и только доведенный до крайности, поднимаетъ онъ свою карающую руку.

ЭЛЕКТРОНЫ.

На моемъ столѣ лежитъ спинтарископъ. Внутри его помѣщенъ небольшой кусочекъ радія, и если приставить аппаратъ къ глазу, то сквозь стеклышко видно безчисленное количество яркихъ, быстро движущихся искорокъ. Радій испускаетъ изъ себя электроны, и они, ударяясь въ гладкое, способное флуоресцировать, дно спинтарископа, заставляютъ его искриться безчисленными алмазиками.

Вотъ гдѣ начало жизни, начало всѣхъ началъ, непрестанное движеніе!

Изъ мелкихъ, недѣлимыхъ частицъ, при постоянныхъ новыхъ и новыхъ комбинаціяхъ, слагается окружающая насъ обстановка, мы сами, наша сложная индивидуальность. При постоянно новыхъ и новыхъ комбинаціяхъ.

И мысль идетъ дальше... Количество этихъ комбинацій ограничено опредѣленнымъ кругомъ.

Ихъ множество. Ихъ нельзя исчислить, и все-таки ихъ число ограничено.

На протяженіи милліоновъ лѣтъ, извѣстная комбинація электроновъ повторяется.

Повторится и мой индивидуальный образъ.

Повторится въ томъ видѣ, въ какомъ застанетъ меня теперь, а, можетъ быть, спустя нѣкоторое время, процессъ химическаго разложенія, или, какъ принято у насъ говорить - смерть.

И чѣмъ выше, чѣмъ сложнѣе и совершеннѣе будетъ моя духовная организація въ моментъ умиранія, тѣмъ скорѣе, періодически повторяясь и продолжая ее развивать, мнѣ удастся приблизиться къ полному совершенству духа.

Наоборотъ, для болѣе примитивной и внутренне грубой натуры, время интеллектуальнаго торжества крайне отдаленно и, на пути къ нему, ей предстоитъ огромный рядъ подъемныхъ повтореній...

Эта гипотеза разбивается о современную положительную науку. Но мало ли въ исторіи человѣчества было гипотезъ, которыя, постепенно съ ростомъ науки, переходили въ неопровержимыя истины!

И я увлекаюсь смѣлымъ рисункомъ. Вижу себя черезъ милліоны лѣтъ опять такимъ же, какой я сейчасъ. Собранная изъ тысячей разсѣянныхъ въ пространствѣ электроновъ моя индивидуальность оживаетъ въ свободномъ воображеніи. Мой духовный образъ! Я! опять я!

И это доставляетъ мнѣ отраду.

И Маркъ повторится.

Быть можетъ, въ совершенно разное со мною время, и я никогда не увижу его, не узнаю. Но... пріятна мысль, что и его маленькій индивидуальный образъ не разсѣялся безвозвратно.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПОЛЕТЪ

I.

Уже прошло нѣсколько лѣтъ, какъ пророкъ жилъ одинъ—весь поглощенный собой, отдаваясь своей безпредѣльной мысли.

Онъ нигдѣ не бывалъ, почти никогда не выходилъ изъ дома.

Онъ былъ увѣренъ, что объ немъ всѣ должны были забыть.

Но предположеніе его было ошибочно. Оказалось, что за нимъ наблюдали пытливо и зорко. И къ нему пришли.

ПЕРВЫЙ.

Къ нему пришелъ ночью, робкими шагами, юноша.

Пророкъ, послѣ усиленной мозговой работы, забылся сномъ и вдругъ почувствовалъ, какъ что-то, съ огромной силой, ударило его въ сердце. Онъ проснулся отъ толчка. Въ его дверь стучали.

— Войдите,—сказалъ онъ.

И юноша вошелъ.

И они говорили—пророкъ и юноша.

Голосъ юноши звучалъ страстно. Настойчивое требованіе, жажда отвѣта, жажда разрѣшенія тысячи мучительныхъ сомнѣній слышались въ немъ.

И въ отвѣтъ лилась тихая и покойная рѣчь пророка—увѣренная и твердая, какъ слово человѣка, знающаго истину.

— Кому ты молишься? —жадно допрашивалъ юноша.

— Я молюсь дневному яркому солнцу и блѣдномерцающей ночной звѣздѣ. Я молюсь всему доброму, прекрасному и великому. А такъ какъ и дневной свѣтъ, и ночное сіяніе, и все доброе, и прекрасное, великое и мудрое соединяется во мнѣ—я молюсь себѣ.

— Кого ты любишь?

— Весь міръ и себя, какъ часть этого міра.

— Съ кѣмъ разговариваешь ты? Съ кѣмъ дѣлишься мыслями, чувствами, впечатлѣніями?

— Съ собой.

— Ты совершенно одинокъ. Тебя не томитъ твое одиночество?

— Меня утомляла бы безтолковая толпа—мелкая и далекая отъ того духовнаго идеала, который я ношу въ себѣ.

— Ты не интересуешься общественной жизнью?

— Нѣтъ—пока она не выросла, не освободилась отъ духовнаго рабства; пока общество идетъ по ложному пути наживы и насилія.

— Ты не слышишь, что дѣлается вокругъ тебя.

Ты не знаешь, что твой пріятель Виталій годъ тому назадъ умеръ, и сегодня, въ храмѣ, съ другимъ вѣнчается... Елена.

— Другъ мой, если бы ты назвалъ мнѣ сейчасъ не Виталія и Елену, а другія, неизвѣстныя мнѣ имена— это было бы мнѣ безразлично. Въ полѣ зрѣнія моего духовнаго глаза всѣ люди одинаково мелки.

— Ты дошелъ до того, что уже не различаешь отдѣльныхъ человѣческихъ физіономій. Неужели, въ самомъ дѣлѣ, люди такъ безличны? Такъ малы? Или ты?.. Но какъ ты поднялся на такую высоту?

— Я пришелъ къ вершинѣ духовнаго совершенства путемъ тяжелой, неустанной борьбы съ жизнью, съ самимъ собой; путемъ душевныхъ мукъ и лишеній. Но другіе, желающіе найти путь къ верху, могли бы обойтись безъ этого. Имъ стоитъ только дѣлать то, что я дѣлаю.

— Учитель! И я могу подняться надъ жизнью? Изъ презираемаго и слабаго сдѣлаться великимъ и сильнымъ? Изъ прокаженнаго—прекраснымъ?

— Углубись въ себя, и все, что ты ищешь—ты найдешь въ своемъ внутреннемъ я.

— Учитель!..

И, припавъ къ ногамъ пророка, со слезами восторга и надежды, юноша разсказалъ ему печальную исторію своей молодой жизни.

Ему не везло.

Онъ родился въ бѣдной семьѣ тружениковъ. Больной отецъ, учитель, работалъ, не разгибая спи-

ны, чтобы дать ему возможность учиться въ коллегіи.

Отецъ жилъ сыномъ и въ удачной будущности сына видѣлъ его и свое освобожденіе.

Но юноша не оправдалъ надеждъ отца. Онъ былъ и нетрудолюбивъ, и неспособенъ.

Къ тому же, въ привеллигированной школѣ на него мало обращали вниманія и учителя, и товарищи. Онъ былъ между ними чужой.

Товарищи имѣли протекцію и деньги, у него же не было ничего, кромѣ болѣзненнаго обостреннаго самолюбія, съ которымъ никто не считался, которое безжалостно язвили и мучили.

А тутъ еще страсти заговорили—недоступная роскошь богатаго разврата, женщины, игра... И, въ концѣ концовъ, неудачная любовь.

Онъ былъ некрасивъ отъ природы, неловокъ, дикъ...

И онъ не выдержалъ и сбился съ пути. Запилъ, проворовался. Начальство выгнало его изъ коллегіи, отецъ—изъ дома. И, брошенный, отверженный, онъ упалъ духомъ.

Хлѣбъ на пропитаніе онъ кое-какъ зарабатывалъ дешевой письменной работой. Но что значитъ хлѣбъ? Что мелкое чувство физическаго голода передъ страшнымъ духовнымъ голодомъ? Уязвленной гордостью? Одинокими слезами? Отчаяніемъ человѣка, котораго отовсюду толкаютъ въ пропасть, но который вовсе не хочетъ падать, чувствуя, что онъ не хуже дру-

гихъ и что только злое стеченіе обстоятельствъ, да ненормальный общественный строй, да тупое равнодушіе и эгоизмъ окружающихъ заставляютъ его гибнуть?

Онъ поселился невдалекѣ отъ жилища пророка и жадно наблюдалъ его.

Онъ еще раньше много слышалъ о странномъ человѣкѣ, ушедшемъ въ себя отъ міра. И вотъ пришелъ къ нему искать спасенія.

И нашелъ.

Заглянулъ въ себя и увидѣлъ въ себѣ богатства духа, какихъ до сихъ поръ не подозрѣвалъ.

И, пришедшій за истиной робкій и маленькій, юноша вышелъ отъ пророка съ гордо поднятой головой, выросшій и возмужавшій.

ВТОРАЯ.

Они были одни—пророкъ и подлѣ него она, трепещущая и прекрасная, съ неостывшими поцѣлуями на губахъ, съ распущенными волосами, въ безпорядкѣ упавшими на полуголыя плечи. Отъ нея пахло утренней постелью и сладкими духами.

Свободная жрица любви!

Развратница—на языкѣ развращенныхъ ханжей.

— Я пришла къ тебѣ искать облегченія страждущей душѣ,—говорила она пророку.

— Развѣ душа твоя страждетъ?

— Да и нѣтъ... Осужденіе общества, позоръ, которымъ клеймятъ меня, портятъ жизнь.

— И въ этомъ твое страданіе?

— Всѣ осуждаютъ мои поступки.

— Всѣ... Но въ самой себѣ ты находишь имъ осужденіе? Или оправдываешь ихъ?

— Я никого не обманываю. Не торгую своими ласками. Но любила и люблю многихъ, и каждый разъ съ новой страстью... Вѣдь это—грѣхъ.

— Грѣхъ?—И въ голосѣ пророка недоумѣніе слилось съ презрѣніемъ, съ презрѣніемъ къ низкой толпѣ людей—гадовъ, изъ лучшаго чувства дѣлающихъ себѣ мишень для зловонныхъ изверженій завистливой и мелочной злобы.

— А развѣ?...

Но пророкъ перебилъ ее.

— Иди,—сказалъ онъ,—великій и негодующій,—иди въ міръ совершенная въ своей красотѣ и страсти и продолжай свободно служить богу, котораго ты избрала. Любовь прекрасна во всѣхъ ея проявленіяхъ и ея свѣтлый пиръ обновляетъ и освѣщаетъ человѣка. И кому, какъ не тебѣ, чарующей и блестящей въ образцовомъ сочетаніи лучшихъ формъ человѣческаго тѣла, не царить на этомъ пиру? Выше предразсудковъ общественныхъ, выше убогаго ханжества и преступнаго аскетизма должно стоять свободное чувство. Гордо поднимай его знамя! И если бы полміра противостало тебѣ—въ себѣ почерпни силы для борьбы съ обветшалой прописной добродѣтелью.

Загляни въ себя. Развѣ душа твоя не сильна и не готова на подвиги? Развѣ не горитъ она въ такомъ совершенномъ тѣлѣ божественнымъ пламенемъ?

Выше! Выше только! Любовь и красота поднимутъ тебя на вершину.

И потомъ, тише, продолжалъ:

— Опошлилась человѣческая любовь. Размѣнялась на мелкую монету, пошла на компромиссы съ выгодой и другими стяжаніями измельчавшаго духа. Свободнаго чувства нѣтъ—живительнаго и облагораживающаго. Иди и служи ему.

ПРОДАЖНЫЯ.

Освѣщенныя пьянымъ малиновымъ огнемъ, окутанныя чадомъ шумной городской ночи—онѣ пришли къ нему и тѣснымъ кольцомъ сомкнулись вокругъ его скромнаго ложа.

Продажныя женщины.

Ихъ юбки были некрасиво вздернуты и ноги грубо обнажены.

На каждой висѣлъ желтый ярлыкъ, и на немъ густыми чернилами былъ отмѣченъ путь, какой та или другая выбрала для продажи своего тѣла. И одна была одѣта въ простое по виду, но дорогое и изящное платье, тѣсно охватывающее ея тонкую, нѣсколько сухую фигуру.

Ничего рѣзкаго, ничего крикливаго!

И на желтомъ ярлыкѣ ея значилась надпись: ни

къ какому самостоятельному дѣлу неспособна, ищетъ партіи.

Другая была въ богатомъ платьѣ—вычурномъ и нарядномъ, и въ рукѣ у нея лежали золотыя монеты, которыми она весело побрякивала.

И ея ярлыкъ гласилъ: ночь—сто золотыхъ.

Грязное рубище едва прикрывало тѣло третьей женщины съ безобразнымъ, распухшимъ отъ пьянства и болѣзни носомъ, со слезящимися глазами и беззубымъ ртомъ.

— Двѣ мелкія монетки всего—говорила потертая черная надпись на ея желтомъ ярлыкѣ. Отъ нея воняло сырымъ мясомъ и виннымъ перегаромъ.

Въ дешевомъ платьѣ, съ претензіей на моду и вкусъ, была четвертая женщина. Дѣвочка, еще недавно начавшая свое ремесло.

Она испробовала всѣ пути къ достиженію богатства и роскоши, которыя видѣла кругомъ и пользоваться которыми желала наравнѣ съ другими людьми и, встрѣтивши вездѣ неприступныя каменныя стѣны, свернула на послѣднюю дорогу.

И на ярлыкѣ у нея было лаконически написано—дѣвочка.

Какъ разны были ихъ фигуры, такъ и лица ихъ были разны. И общее у нихъ было только въ глазахъ. Общее выраженіе глазъ—хищное и лихорадочное. Онѣ плясали вокругъ пророка непристойную пляску и, вызывающе глядя на него, съ дѣланнымъ смѣхомъ говорили:

— Если ты дѣйствительно пророкъ, подними нашъ духъ!

И изъ-за смѣха слышались отчаяніе и страданіе невыразимыя.

Съ грустью сказалъ имъ пророкъ:

— Отживающія дѣтища капиталистическаго строя! Суррогаты любви вы предлагаете вмѣсто искренняго чувства. Вы жалки. Но еще болѣе жалки тѣ, кто пользуется этими суррогатами. Освободите сначала ваше тѣло отъ рабства, а затѣмъ придите ко мнѣ и я освобожу вашъ духъ.

И новый притворный смѣхъ былъ отвѣтомъ на слова учителя, и, освѣщенныя яркимъ пламенемъ малиноваго фонаря, онѣ исчезли въ чаду городского безумія—больныя порожденія измельчавшаго человѣчества.

Только четвертая, на ярлыкѣ которой было написано—дѣвочка, уходя оглянулась на пророка и по долгому молитвенному взгляду ея глубокихъ глазъ, прочелъ великій, что она не прощается съ нимъ, что она еще и еще придетъ къ нему.

Къ вѣчной правдѣ, къ свободѣ, къ духовнымъ верхамъ рвалось страждущее сердце дѣвочки, дочери народа.

5.

— Освободите сначала вашъ духъ отъ рабства, а затѣмъ думайте о его совершенствованіи,—сказалъ онъ

ханжамъ, торгашамъ, тіунамъ и воинамъ, приходившимъ къ нему просить облегченія жизни, искавшихъ путей къ достиженію духовнаго подъема.

Плуты и простаки наивно думали, что одной рукой можно служить насилію и святотатству, а другой безпрепятственно грабить чистыя сокровища духа.

САНОВНИКЪ.

Въ три часа дня,—лощеный и безукоризненный, его посѣтилъ сановникъ, пріѣхавшій наканунѣ изъ столицы съ единственной цѣлью увидѣться съ пророкомъ.

— Я всегда очень радъ,—говорилъ сановникъ, пожимая ему руку,— когда узнаю, что въ бурномъ морѣ волненій и братоубійственной междоусобицы открывается вдругъ новое тихое пристанище для душевнаго покоя. Это отвлекаетъ молодежь отъ грубыхъ проявленій классовой ненависти, отъ безплоднаго стремленія къ осуществленію безумныхъ мечтаній. Я всегда покровительствую благочестивымъ паломничествамъ, открывающимся нетронутыми временемъ драгоцѣннымъ реликвіямъ, появляющимся въ міру подвижникамъ. Цѣню также новыхъ философовъ и ученыхъ. Это отвлекаетъ, сильно отвлекаетъ...

А тутъ цѣлый міръ духовныхъ богатствъ! И все въ самомъ себѣ. Значитъ, сиди спокойно, и самоуглубляйся.

Такъ вѣдь я понимаю твое ученіе?

Пророкъ ничего не отвѣтилъ. Продолжалъ сановникъ:

— Я самъ очень интересуюсь внутреннимъ міромъ человѣка. Въ свободныя отъ дѣлъ минуты, которыхъ, къ сожалѣнію, у меня бываетъ очень мало, —я такъ заваленъ государственными дѣлами, — въ свободныя минуты я съ наслажденіемъ отдыхаю надъ страницами художественныхъ и философскихъ произведеній. Красота формы въ новѣйшемъ творчествѣ меня особенно увлекаетъ; такъ и чувствуешь, какъ отъ грубыхъ цѣпей аскетизма освобождается свободное и прекрасное тѣло...

Пророкъ прервалъ сановника, лицо котораго было давно ему знакомо. Онъ зналъ его, когда тотъ былъ еще начальникомъ небольшого города. И тогда сановникъ отличался особенной несправедливостью по отношенію къ трудящимся классамъ и безсердечной жестокостью. Тюрьмы въ городѣ были переполнены и жизнь заключенныхъ превращена въ сплошной адъ. Сановникъ покровительствовалъ богатымъ и взяточникамъ и нещадно тѣснилъ бѣднѣйшее населеніе.

И теперь, въ роли правителя цѣлаго ряда соединенныхъ городовъ, онъ не измѣнился.

Пророкъ зналъ это. Властнымъ и сильнымъ взглядомъ окинулъ онъ его и спросилъ:

— А сколько дѣвушекъ у тебя томится въ тюрьмахъ?

— Не знаю, право,—отвѣчалъ, не ожидавшій такого вопроса сановникъ.

— Тысячи,— сказалъ пророкъ.—И среди нихъ много прекрасныхъ, цвѣтущихъ и молодыхъ. Такъ ли ты любишь тѣло?

— Но ты говорилъ еще и о духѣ. А сколько душъ держишь ты въ плѣну? Сколько свободныхъ жизней ежедневно насильно заковываешь въ тяжелыя кандалы своего отжившаго регламента? Служа преходящему призраку условнаго могущества, ради сохраненія старыхъ формъ—ты гонишь все молодое, оригинальное и новое.

Аристократъ грубой физической силы, но плебей мысли! Властелинъ и нищій! Будучи самъ рабомъ, ты и другихъ держишь въ рабствѣ. Освободись раньше. Освободи плѣнныхъ и тогда думай о пріобщеніи духовнымъ богатствамъ.

Только свободному доступны высшія нравственныя наслажденія. Только ему открыты ступени къ божественной трапезѣ...

Отъ разговора съ пророкомъ у сановника остался гдѣ-то внутри непріятный осадокъ. Онъ поспѣшилъ вернуться къ себѣ, въ столицу, вполнѣ выяснивъ, что новый пророкъ просто какой-то психопатъ съ направленіемъ неподходящимъ. И какъ матеріалъ, чтобы занять населеніе, онъ во всякомъ случаѣ не пригоденъ.

ВОРЪ.

Воръ прокрался къ пророку неслышно, когда тотъ, задумчивый и сосредоточенный, сидѣлъ за работой.

Онъ сразу выросъ передъ нимъ и нагло захохоталъ.

— Учитель душъ,—сказалъ онъ съ насмѣшкой.— Проповѣдникъ истины! Обличитель... А ну-ка, посмотримъ, хватитъ ли у тебя смѣлости осудить мой проступокъ?

— Въ чемъ заключается твой проступокъ?—спокойно спросилъ пророкъ.

— Я укралъ. Опять укралъ. Въ сотый разъ укралъ... Я шелъ по улицѣ. Я былъ голоденъ, а кругомъ были сытые. У меня не было ни гроша въ карманѣ, а кругомъ гуляли богатые. И у одного изъ нихъ—жирнаго и бритаго, похожаго скорѣе на свинью, чѣмъ на человѣка, владѣльца большого торговаго заведенія—я знаю его—хищника и эксплоататора,—я выкралъ изъ кармана кошелекъ. О! туго набитый кошелекъ... И я поѣлъ. О, какъ я поѣлъ!..

И теперь я сытъ и пришелъ къ тебѣ разговаривать о спасеніи души.

Ну, скажи—осудишь ли ты меня за мой проступокъ?

Пророкъ молчалъ.

— Въ молодости я хотѣлъ работать,—продолжалъ

воръ. — И работалъ на фабрикѣ, и старался. О! Я очень старался! И все-таки за свою каторжную работу получалъ только гроши, которыхъ едва хватало на пропитаніе. А кругомъ была роскошь. Кругомъ разъѣзжали рысаки и автомобили. Женщины шуршали шелковыми юбками. О-о-о!..

И мнѣ захотѣлось этихъ юбокъ, понюхать, помять шелкъ. Я потребовалъ своей части на общемъ праздникѣ и... сталъ воромъ.

И я имѣлъ право имъ стать, какъ имѣли право стать богачами эти — торгаши, капиталисты, кровопійцы, создавшіе свой несправедливый, преступный и имъ однимъ выгодный общественный строй.

Пророкъ молчалъ.

— Что же ты молчишь? Ты не смѣешь осудить моего проступка? Обличитель!.. Ха-ха-ха...

Съ тихой улыбкой презрѣнія и жалости посмотрѣлъ пророкъ на вора и сказалъ:

— Если ты осуждаешь ихъ строй, то тѣмъ болѣе не слѣдуетъ пользоваться его ядовитыми плодами. Соприкасаясь съ больными организмами и поѣдая ихъ отбросы, ты самъ превратился въ продуктъ порчи и гноя. Жалкая креатура преступнаго общества! Ничего самостоятельнаго или оригинальнаго въ тебѣ нѣтъ.

И смѣхъ твой—не смѣхъ гордой и свободной души, а убогое хихиканье лизоблюдства и ничтожества. Цѣнность духовной сокровищницы тебѣ недоступна.

ЖРЕЦЪ.

— Послушай, я не знаю кто ты, святой или безумный, но то, что ты дѣлаешь — ужасно!

Если люди начнутъ слѣдовать твоему примѣру — наши кумирни опустѣютъ, существованіе жрецовъ потеряетъ смыслъ, верховныя божества останутся безъ служителей. Вѣковой культъ погибнетъ...

Жрецъ говорилъ страстно. Глаза его выражали отчаяніе. Маленькое тѣло на тонкихъ ногахъ тряслось.

Жалокъ и ничтоженъ онъ былъ. Голодное брюхо въ немъ волновалось.

Острымъ и испытующимъ взглядомъ пронизалъ его пророкъ. И еще разъ ужасъ рабства и блаженства освобожденія представились духовному существу учителя.

— А вѣришь ли ты,— спросилъ онъ жреца, — въ то, что гласно проповѣдуешь въ кумирнѣ?

И глаза его продолжали пронизывать насквозь служителя вѣкового культа, острой сталью врѣзывались въ лживую душу и безжалостно вырывали оттуда правду.

— Нѣтъ, — изъ глубины души отвѣчалъ жрецъ. — Я пережилъ культъ, въ которомъ воспитали меня родители.

— Какъ же ты смѣешь обманывать тѣхъ, кто довѣрчиво поручаетъ тебѣ свою душу?

— Культъ необходимъ массамъ, которыхъ не кос-

нулась еще широкая волна просвѣщенія. И многіе просвѣщенные люди среди жизненныхъ скорбей находятъ въ немъ утѣшеніе. Имъ нужно божество, какъ источникъ справедливости, карающее порокъ и награждающее добродѣтель. Въ надеждѣ на лучшую жизнь — ихъ счастіе...

Къ тому же проповѣдь наша благотворна — мы успокаиваемъ страсти.

Но пророкъ уже не слушалъ его, занятый своей мыслью. Онъ рѣзко перебилъ жреца.

— Вы трижды преступны,—сказалъ онъ.—Вы обманываете и, облекая обманъ въ форму истины, размѣниваете истину на деньги. Только ложью да денежной подачкой и держится вашъ культъ.

Но духовное зрѣніе человѣка начинаетъ проясняться. Высокому духу не страшны ваши цѣпи. Съ каждымъ годомъ вредъ, приносимый вами, дѣлается ничтожнѣе. Пожаръ низменныхъ страстей, который вамъ удавалось въ теченіе долгихъ вѣковъ разжигать между людьми, переходитъ на другую почву. Сами страсти облагораживаются.

Но еще много въ косной массѣ суевѣрія и страха

На твой вѣкъ хватитъ... А что дальше—не все ли тебѣ равно? Пока моимъ путемъ пойдутъ немногіе избранные; стадо останется при васъ.

Волненіе голоднаго брюха утихло. Заговорилъ человѣкъ.

— Я хотѣлъ бы быть однимъ изъ этихъ немногихъ. Меня не удовлетворяетъ ученіе, которое я испо-

вѣдываю. Оно не даетъ отвѣта на исканія моей мысли. Съ чего я долженъ начать?

— Перестать обманывать.

— Но обманомъ ты называешь мое служеніе и все, что сопряжено съ нимъ. Положеніе жреца — единственное звено, связывающее меня съ обществомъ, дающее мнѣ возможность вліять на окружающихъ людей, а имъ—меня слушать и видѣть. Я не могу его оставить.

Пророкъ улыбнулся. И странной казалась эта улыбка. Опять такъ неопредѣленно сливались въ ней жалость и презрѣніе.

— Если гнилое звено тебѣ такъ дорого, то и вертись съ нимъ въ старомъ колесѣ. Для новаго—оно не годится... Жрецъ ушелъ отъ пророка съ успокоеннымъ желудкомъ, но неудовлетворенной душой. Передъ проповѣдникомъ царства истины двери этого царства внезапно затворились.

9.

Пришли доносчикъ, ищейка, предатель, тюремщикъ и палачъ.

И онъ прогналъ ихъ.

Навсегда, густымъ чернымъ пологомъ былъ затянутъ для нихъ сверкающій чертогъ душевнаго ликованія, несокрушимой стѣной загорожены всѣ пути къ спасенію.

10.

Всѣхъ, носящихъ въ сердцѣ своемъ любовь, безкорыстныхъ служителей идеи свѣта и справедливости, за счастіе ближняго или за призракъ этого счастія жертвующихъ жизнью, гонимыхъ и осуждаемыхъ тупымъ и порочнымъ стадомъ—онъ благословилъ съ любовью.

11.

— Стремясь къ освобожденію человѣка отъ денежнаго рабства,—сказалъ онъ проповѣдникамъ матеріальнаго равенства и справедливаго раздѣленія труда—вы тѣмъ самымъ приближаетесь и къ духовному его освобожденію.

Но имѣйте въ виду, что то, что вы считаете конечной точкой вашего ученія, является только однимъ изъ многочисленныхъ этаповъ на пути къ великому освобожденію души человѣка, къ свѣтлому празднику его индивидуальнаго воскресенія.

УЧЕНЫЙ.

— Что привело тебя ко мнѣ?— спросилъ онъ маститаго ученаго, посѣтившаго его.

Старо и морщинисто было лицо ученаго. Глаза его пылали злобой и нижняя губа тряслась.

— Развѣ глубокіе тайники науки, въ которые неустанно проникаетъ твоя пытливая мысль, не даютъ тебѣ удовлетворенія?

— Да. Но меня не цѣнятъ. Орденъ сѣраго воробья дали моему коллегѣ, который гораздо моложе меня, а меня обошли наградой.

На дворѣ темнѣло. Пророкъ еще не зажегъ огня. При гаснущемъ освѣщеніи заходящаго солнца, онъ съ трудомъ разсмотрѣлъ, что грудь ученаго была увѣшана регаліями—металлическими знаками, звѣздами и большими блестящими кружками, напоминающими собой монеты.

Между тѣмъ, ученый продолжалъ прерывающимся отъ волненія голосомъ:

— На моихъ лекціяхъ аудиторія всегда переполнена, но меня не цѣнитъ совѣтъ академіи... эти бездарные бюрократы...

Пророкъ молча подошелъ къ ученому, наклонился къ его груди и сталъ осторожно снимать съ нея регалію за регаліей.

— Что ты дѣлаешь?—спросилъ озабоченно ученый.

Но пророкъ молчалъ и только продолжалъ свою работу. Когда грудь ученаго была совершенно освобождена отъ металлическаго балласта, пророкъ тихо сказалъ:

— Для чего ты работаешь? Для науки или для совѣта академіи?

— Разумѣется, для науки.

— А кому предназначаются твои труды? Кому хочешь ты передать свои знанія? Молодымъ ученикамъ своимъ или престарѣлымъ членамъ совѣта?

— Понятно, ученикамъ.

— Почему же, въ такомъ случаѣ, дешевыя награды академіи ты цѣнишь больше, чѣмъ благодарныя чувства своихъ слушателей, выражающіяся въ томъ, что твоя аудиторія всегда полна?

Иди и продолжай свои занятія въ лабораторіи; открывай новыя истины и знакомь съ ними человѣчество. А регаліи оставь здѣсь. Только безкорыстное служеніе наукѣ возвышаетъ духъ.

СТАРУХА.

— Я боюсь смерти,—сказала старуха, скрюченная и немощная, едва движущимися ногами пробираясь къ пророку.

— Я боюсь смерти,—повторила за ней блѣдная и измученная болѣзнью, молодая и красивая дѣвушка, пришедшая къ учителю по слѣдамъ старухи, съ тайной надежной на исцѣленіе.

Пророкъ поднялъ глаза. Радость жизни и глубина истины свѣтились въ нихъ. Послѣ долгихъ лѣтъ одинокихъ переживаній, среди постоянной интеллектуальной работы, страхъ мимолетнаго физическаго умиранія казался ему чѣмъ-то нелѣпымъ и безконечно далекимъ.

— Смерти нѣтъ,—сказалъ онъ увѣренно и спокойно. — Вѣчно живетъ человѣческая мысль. Разрушается только та или другая ея переходящая оболочка, распадается на составныя части, изъ которыхъ возникаютъ новыя формы.

И растетъ и совершенствуется въ нихъ мысль отдѣльнаго человѣка, приближается къ сліянію съ общей міровой мыслью, проникаетъ въ ея тайну, овладѣваетъ рулемъ жизни. И, овладѣвъ таинственнымъ рулемъ, поворачиваетъ его по собственному усмотрѣнію, подчиняя себѣ сложный механизмъ мірозданія, творя и направляя міръ согласно своему хотѣнію. Смерти нѣтъ.

14.

Новые и новые люди приходили къ пророку, и — убѣжденный и сильный—онъ указывалъ имъ путь обновленія.

И шли по этому пути. И увеличивалось съ каждымъ днемъ число учениковъ и послѣдователей пророка.

Міровое страданіе падало. Исчезала тоска. Разсѣивался черный мракъ безсильнаго человѣческаго отчаянія.

Вѣчная жизнь загоралась радостью.

Возвышающійся до познанія себя человѣкъ побѣждалъ смерть одинъ, силой одной своей воли.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПЕРВЫЙ ПОЛЕТЪ

ВТОРОЙ ПОЛЕТЪ.

ТРЕТІЙ ПОЛЕТЪ.

ЧЕТВЕРТЫЙ ПОЛЕТЪ.

Складъ изданія: книжный магазинъ В. В Филимонова,
Москва, Б. Никитская, 22. Телефонъ 77-52.